

Карта городов, где были организованы Советы Рабочих Депутатов в 1905 г.

МИЛЛИОНЫ

ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ
АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ
„РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального приготовления
разных наливок, настоек, коньяка и
ликеров прекрасного качества, вкуса
и аромата

ТРЕБУИТЕ ВЕЗДЕ

Цена 30 (тридцать) коп. коробка

Ген. Представит.: В. ЗАКЛИН
Ленинград, Колокольная 13

По первому требованию высылаем
ассортимент в количестве не менее
10 коробок наложенным платежом

Перепродавцам скидка

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК СССР

выдает ссуды и открывает специаль-
ные текущие счета без ограничения
суммы под облигации

2-го КРЕСТЬЯНСКОГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА
с момента выпуска облигаций.

Ссуды выдаются в размере 75% стоимости
облигаций; по выданным ссудам взимается
11% годовых и 1/15% комиссионных в месяц.

Правление Госбанка СССР

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ,

Приборы для бритья и стрижки,

Машинки для точки лезвий,

Фотографич. аппараты

высылаются для личного употребления.

Требуйте бесплатный иллюстрированный прейс-курant.

Переписка и на русском языке.

Торговый дом J. Tlusty, Berlin W 8, Unter den Linden 14

БЕРЛИН ГЕРМАНИЯ

ТОРГОВЫЙ ДОМ

О. KLINK

BERLIN W. 15, SCHLIESSFACH 41

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНЫЙ

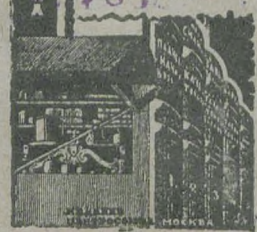
Иллюстрированный прейс-курant

на всевозможную мужскую и женскую одежду, белье,
всякого рода вязаные изделия, обувь и другие пред-
меты обихода. Переписка и на русском языке

УЧИТЕСЬ

РОЗНИЧНОЙ
ТОРГОВЛИ

52 книги
Подписная цена
15 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:

При подписке — 6 р., к 1 апреля 5 р.
и к 1 августа 4 р. Подпиши куп и под-
писные суммы адресовать: Москва,
Б. Чернявский пер., 17. Главной
Конторе газеты „КООПЕРАТИВНЫЙ
ПУТЬ“.

Проспекты по первому требованию

ФАБРИКА

МАШКА

ПУДРА ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА

фирмы **DAMIL**

в парфюмерных и туалетных

ЛОРЖЕВЫХ, ЗОЛОТЫХ И ЗЕЛЕННЫХ КОРОБКАХ

УБРА VIOLETTA, IDEAL

В ИЗДАВАНИИ ПОДПИСАТЕЛЯ ТРЕБУЙТЕ

НА КАЖДОЙ КОРОБКЕ ФАБРИЧНОГО

И ПОДПИСИ

М. Машковича

ПРОБНОЕ ВО ВСЕХ ВИДАХ ПАРФЮМЕРА

МАГАЗИНАХ - ГЛАВНЫЙ СКЛАД

ОДЕССА, УЛИЦА КАРЛА ЛИБКНЕХТА

РЕКЛАМБЮРО „ОГОНЕК“ Москва Тверской бульвар 26 Тел. 4-28-45

ВАЖАЙШИЙ ВЫПУСК

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФИЛЬМА

Здание Технологического Института, где заседал 1-й в Петербурге Совет рабочих депутатов в 1905 г.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Статья Д. Ф. Сверčkова, товарища председателя первого Совета рабочих депутатов в Петербурге.

13-го (26-го) октября. Это день, который двадцать лет тому назад—в 1905 году—вошел в историю. В этот день в физической аудитории петербургского технологического института состоялось первое заседание первого Совета рабочих депутатов, избранного петербургским пролетариатом.

Кто организовал Совет? Кому пришла мысль создать этот руководящий представительный центр революционной борьбы пролетариата? На этот вопрос прямого ответа дать нельзя, а придется вкратце рассказать историю возникновения Совета.

8-го (21-го) октября рабочие депо ст. Москва, Московско-Казанской железной дороги, бросили работу и дали этим сигнал к возникновению небывалой в истории мира всеобщей забастовки. Вслед за ними остановилась в течение 5—6 дней вся 40.000-верстная сеть железных дорог России. Свыше 500.000 железнодорожников единым фронтом стали на борьбу с самодержавием и потребовали полных гражданских прав для бесправного тогда пролетариата.

С первого же дня железнодорожной забастовки к ней миллионы рабочих присоединились рабочие фабрик и заводов всей России. В Ленинграде—тогдашнем Петербурге—к 14 октября забастовка стала всеобщей. Бросили работу не только рабочие и служащие всех предприятий, забастовали не только заводы, фабрики, конторы, банки, печатники, конки, электрические станции и т. д. К забастовке присоединились и артисты, и балет Мариинского театра, и чиновники многих министерств, и судьи, и канцелярия сената, и проч., и проч.

Опыт прошлых забастовок показал, что для лучшего и организованного

проведения их необходимо создавать стачечный комитет. Такие стачечные комитеты, избравшиеся рабочими при об'явлении забастовок, руководили всей борьбой, вели переговоры от имени рабочих с хозяевами, старались добиться удовлетворения предъявленных требований, собирали средства для помощи бастующим и назначали срок для прекращения стачки, когда требования были удовлетворены или когда, вследствие неблагоприятно складывающихся обстоятельств, приходилось прекратить забастовку, не добившись поставленных целей.

Мысль о создании такого общего стачечного комитета для рабочих забастовавшего Петербурга появилась у петербургской организации российской социал-демократической рабочей партии, которая тогда включала в себя как фракцию большевиков во главе с петербургским комитетом, так и фракцию меньшевиков, называвшую себя «петербургской организацией» партии. Однако, меньшевики, приглашая рабочих Петербурга избрать представителей в «Рабочий Совет» из расчета одного делегата на 500 ра-

бочих (норма эта была взята из условий выборов в комиссию сенатора Шидловского), говорили, что Совет этот должен явиться представителем нужд рабочих перед правительством и перед обществом. Задача организуемого Совета, как видно из этого, была довольно скромной и являлась точным отражением задач, стоявших перед обыкновенным стачечным комитетом,—она только соответственно расширилась, ибо всеобщая забастовка, охватившая всю Россию, конечно, не имела целью добиться удовлетворения частных экономических нужд трудящихся, а явилась чисто политической.

Эта скромная программа деятельности Рабочего Совета была сформулирована представителями петербургских меньшевиков на первом заседании совета и целиком попала в принятый собранием призыв выбирать депутатов на всех фабриках и заводах тогдашней столицы российской империи.

Однако, уже на втором и на третьем заседаниях Совета цель его существования была определена депутатами рабочих Петербурга гораздо шире, и от меньше-

вистской формулировки не осталось и следа. Совет потребовал от городской думы отпуска средств на вооружение рабочих, заявив, что руководство всей революционной борьбой он берет на себя. Совет—с момента своего формирования, который надо отнести к 15—16 октября, поставил перед собою целью—борьбу за власть.

Вот это содержание его стремлений, этот путь борьбы за власть, это признание себя органом власти, руководящим революционной борьбой пролетариата не только против самодержавия, но и против капитала, и следует признать характеризующими весь Совет, который, одновременно со вступлением на путь борьбы за власть, принял

9 января 1905 г. в Петербурге. Разгром демонстрации.

имя «Совета Рабочих Депутатов». Таким образом, в действительности на арене политической революционной борьбы появилась новая мощная организация, совершенно не похожая на то скромное «представительство интересов рабочих перед правительством и обществом», которое хотели создать меньшевики.

Кто же создал Совет?

Кто вдохнул в его оболочку живой дух революционной борьбы?

Кто наполнил эту небывалую организацию революционным классовым содержанием?

Кто дал прообраз советской власти за 12 лет до ее появления?

На эти вопросы мы, участники создания первого совета 1905 г., можем ответить только так: рабочий класс Петербурга—это его депутаты, явившиеся с охваченных пожаром революции фабрик и заводов, принесли с собой программу деятельности Совета.

Это они—представители рабочих—вложили в Совет горячее революционное сердце, это трехсоттысячная масса петербургского пролетариата сделала Совет своим правительством, противопоставила его власти царя и его министров, связала Совет тысячами нитей с фабричными окраинами и поставила его страшной угрозой самодержавию и капитализму.

Инстинкт рабочих Петербурга, в течение десятилетий перед этим развиваемый революционной рабочей партией, почувствовавшей скорее, чем узнавшей, правильность революционной теории Маркса и Энгельса, создал прообраз советской власти еще в 1905 году, двадцать лет назад, при первом же мощном революционном выступлении всего пролетариата России.

Первый Совет рабочих депутатов просуществовал всего 52 дня. Но этот короткий срок жизни, определенный ему в 1905 году, дал пролетариату огромный опыт в его борьбе, эти 52 дня деятельности первого рабочего правительства неизгладимо врезались в память не только петербургского пролетариата, но и рабочего класса всей России и при первом же подъеме нового революционного шквала—в феврале 1917 года—рабочий класс в первый же час борьбы повторяет организацию Совета и, разобравшись в сложной обстановке мировой войны и предательства со стороны соглашателей и оппортунистов, выставляет провозглашенный В. И. Лениным лозунг: «Вся власть Советам», чтобы победить во имя его в октябре 1917 года.

Д. Сверчков

1905 год—в живописи

1905 год—

в издании библиотеки „ОГОНЕК“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

«Рассказы о пятом годе»
—Л. О. Кармен.

ГOTOVЯТСЯ к печати и в самом непродолжительном времени **ВЫЙДУТ:**

Петр Ширяев—«1905 г.»
—рассказы.

Дм. Сверчков — «Первая революция».

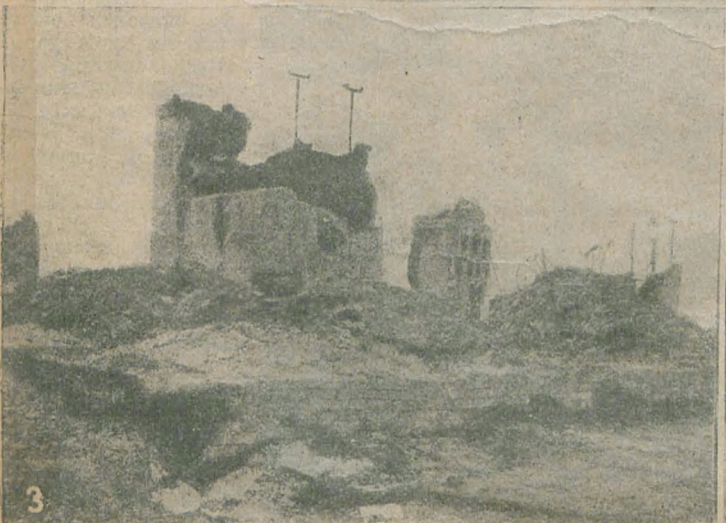
Борис Волин—«Царские послы о 1905 годе».

Плакаты к 20-летию революции 1905 г. На снимках: сверху—«Митинг»—худ. Николаева. Внизу—«Восстание на Пресне»—худ. С. М. Карпова.

ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1905 Г. В СТОЛИЦАХ

Демонстрация студентов 18 октября 1905 г. в Петербурге.

1) Баррикады на Пименовской ул. 2) Жилой корпус фабрики б. Прохоровской мануфактуры (один из очагов революции 1905 г.). 3) Последствия восстания 1905 г. в Москве. Разрушенные здания из Пресне. 4) Баррикады на Долгоруковской (близ Народного дома).

НА ПАРОВОЗЕ

Воспоминания о всеобщей железнодорожной забастовке 1905 г. М. Н. Лядова.

В сентябре 1905 года я был арестован в Баку. Просидев в тюрьме три недели, мне удалось бежать, и я направился в Москву. По дороге, среди пассажиров, наблюдалось тревожное настроение. Навстречу ползли слухи о том, что надвигается забастовка. Подъезжая к каждой большой станции, пассажиры убегали из вагонов и тревожно спрашивали, поедет ли поезд дальше, не застрянем ли. Особенно сильно тревожился мой сосед по купе, отставной артиллерийский генерал. Он корчил из себя отчаянного либерала, ругательски ругал царя, ругал бюрократию, но не мог понять двух вещей, почему, воюя с царем, рабочие нарушают интересы частных лиц. Он очень сочувствует рабскому движению, но почему же он должен из-за забастовки пострадать и не попадет в Москву, где его ждет семья. Ведь это несправедливо. Второе, чего никак не мог понять генерал, это — для чего революционерам понадобилось женское равноправие. Дать женщине права — это идти против всех законов природы.

В «Грязях» железнодорожная бригада нам решительно заявила, что дальше Козлова нас не повезут. В Козлове уже стоит все движение. Действительно, не доезжая несколько верст до пассажирской станции Козлов, поезд остановился на запасном пути. Пассажиры нагрузились багажом и пешком двинулись на станцию. Перед станцией стояло несколько застрявших поездов. Мы расположились с вещами в одном из вагонов. Генерал решительно заявил, что он пойдет сейчас же в стачечный комитет и заявит решительный протест. Я тоже пошел разыскивать стачечный комитет в надежде найти там товарищей и добиться разрешения поехать с делегатским паровозом.

Я нашел комитет в громадном помещении паровозного депо. Там шел непрерывный митинг. Собрались все рабочие. Сообщались сведения о ходе забастовок по линиям железных дорог. К великой радости узнал, что забастовка становится всеобщей. Здесь же на митинге решались все хозяйственные дела города. Власти фактически отсутствовали. Всей жизнью в городе управлял рабочий митинг. К этому митингу вздумал обратиться и мой генерал. Он с места в карьер начал ругаться. Его, конечно, подняли на смех. Я разыскал руководителей стачечного комитета. К моему удивлению все они называли себя эс-эрами и исключительно состояли из высших железнодорожных служащих. Я рассказал им, что я агент ЦК нашей партии, что бежал из тюрьмы, конечно, очень сочувствую забастовке, но у меня весьма важные и срочные поручения, и поэтому я очень прошу их разрешить мне поехать в Москву на па-

ровозе, с которым должны поехать делегаты. Мне решительно отказали. Я просил их тогда дать мне какую-нибудь работу, чтобы не сидеть в такое важное

М. Лядов — член бюро комитета большинства и член московского комитета РСДРП(б). Снимок относится к периоду борьбы большевистских организаций за созыв 3-го партийного съезда.

время, сложа руки, и связать меня с нашей партийной организацией. И в этом мне было отказано. Волей-неволей пришлось помириться с вынужденным бездельем. Правда, каждый день по несколько раз выступал на митинге. Но, конечно, это не могло удовлетворить меня.

Мой генерал сначала очень суеутился, бегал к начальству. В Козлове как раз застрял вице-губернатор, Богданович. Генерал посетил его и вернулся крайне возмущенный. Этот идиот, говорил он, рассчитывает, что откуда-то приедут казаки и освободят его и расправятся с рабочими.

Так прошло дней пять. Я уже собирался идти в Москву пешком. Вдруг подходит ко мне с самым таинственным видом генерал и шепчет: «Знаете, я решил украсть поезд и уехать, я умею обращаться с машиной, если хотите быть моим кочегаром, то едем вместе». Я ответил, что соглашусь только в том случае, если мы обойдемся без помощи железнодорожных служащих, чтобы не нарушить их забастовки. Генерал ответил, что он сам не хочет идти против забастовки. Я не особенно доверял генералу и своим долгом предупредить стачечный комитет о генеральской затее. Там только посмеялись.

Ночью, часа в два, мы отправились с генералом в депо, разогрели паровоз, подехали на нем к поезду. И, не предупреждая никого из пассажиров, без свистков и сигналов, двинули поезд. Перепуганные пассажиры, как горох, повысыпали из вагонов. В поезде ночевали пассажиры, едущие как из Москвы, так и в Москву. Мы заявили, что берем всех, кто хочет в Москву, с условием, чтобы каждый вагон выбрал старосту и чтобы все пассажиры обещались в пути грузить топливо и добывать воду для паровоза. Ни одного железнодорожника не было на станции. Мы тронулись в путь. Сначала, по ошибке двинулись по дороге на Тамбов, но вовремя разглядели ошибку и отыскали московский путь. Дорога была нелегкая. Ехали наугад, не зная, как поставлены стрелки. Ни одного сторожа не встречали на пути. В Рязани нас встретил начальник станции и жандармский полковник.

Последний очень обрадовался, увидав генерала на паровозе. Он был уверен, что тот везет военную силу, которая расправится с бунтовщиками. Генерал кричал на жандарма, обзывая его идиотом и отправил к черту начальника станции. Мы запаслись топливом и водой и двинулись дальше. Признаться, я оказался очень плохим кочегаром. Несколько раз паровоз останавливался на подеме, не хватало пару. В Рязани нам пришлось сменить паровоз, наш мы привели в полную негодность. Смену мы произвели силами пассажиров.

Я не помню сейчас, сколько времени мы были в дороге, но что-то не меньше двух суток. Наконец, показалась Москва. Встретила она нас далеко не гостеприимно. Нас тоже приняли за прорвавшийся военный эшелон. Железнодорожные дру-

Наверху — баррикады в Москве в 1905 г. На Каретно-Садовой. Внизу — баррикады на Малой Бронной (около дома Гирш).

Женщины встретили нас залпом. Я выскочил к ним навстречу. Нашлись среди них знакомые, я их успокоил, что в поезде нет ни одного вооруженного, что генерал — безобидный старикашка. Нас выпустили. Мне дали адрес нашего комитета. Через час я был уже в техническом училище, где заседал наш комитет, расцеловался с Маратом (Шанцером) и другими комитетчиками. Это было 26-го (13-го октября). Стачка в Москве была в полном разгаре. Во всех аудиториях Технического Училища и других вузов шли непрерывные митинги. Все комитетчики потеряли уже окончательно голос. Мне, как свежему человеку, дали сразу кучу нарядов. Я с радостью принялся за их выполнение. На ночном заседании комитета меня кооптировали в члены комитета. Началась веселая, бодрая работа

1905 г. на транспорте. Паровоз, пущенный стачечниками в помещение вокзала.

в самом центре широко-развертывающихся событий. Я сразу почувствовал себя нужным винтиком в громадном маховом колесе, который с каждым новым

оборотом приближает окончательную развязку.

М. Лядов.

Два полюса декабрьского восстания

Воспоминания П. А. Бляхина.

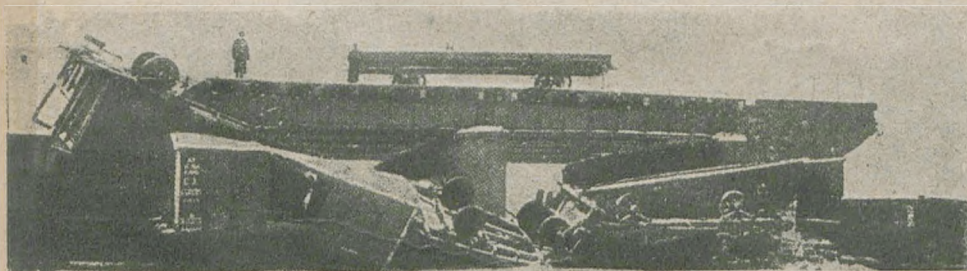
После отсидки в Карской крепости, я 13-го ноября 1905 года прибыл в Москву.

ненавистью загорались глаза, сжимались судорожно кулаки, хотелось немедленно

пйти в бой, хотя бы с голой грудью, на смерть или на победу.

Выделить из этого хаоса какие-нибудь индивидуальные черты, вырвать и запечатлеть отдельные события чрезвычайно трудно, а описаний общего характера было и еще будет не мало, и повторять их нет смысла. Я хочу дать лишь два-три штриха, которые, быть может, еще не отмечены в печати.

Меня поразила необычайно первый митинг в «Аквариуме», проведенный мною и Инессой Арманд. Он замечателен тем, что аудитория состояла не из фабрично-заводских рабочих, к которым мы уже привыкли, а из домашней прислуги. Самый низший, самый забитый и самый

Курский мост; опрокинутые для баррикад вагоны товарного поезда.

Чуть не в тот же день был зачислен МК в штат агитаторов-профессионалов. Немедленно пущен в оборот, сразу закружившись в вихре событий. Первые дни чувствовал себя ничтожной соломенкой, подхваченной гигантской волной. В тумане истекшего двадцатилетия этот кровавый сгусток истории вспоминается, как сплошное море голов, сплошной многотысячный митинг, непрерывное грозное движение, прорезаемое молниями пылающих лозунгов:

— Да здравствует вооруженное восстание!

— Долой самодержавие!

— Смерть тиранам!..

Теперь, после Октябрьской Революции и гражданских войн эти лозунги потеряли силу, не звучат, не волнуют. Двадцать лет назад от них бросало в жар и холод,

На ст. Кавказской. Владикавказской ж. д., в дни 1905 г. Паровоз, пущенный стачечниками. Тендер свалился в яму круга.

угнетенный и разложившийся слой трудящихся. Домашние рабы...

Признаюсь, получив путевку от МК на этот митинг или, вернее, на организационное собрание союза домашней прислуги, я был не особенно доволен. Имея за плечами всего около 18 лет, я естественно жаждал боевых собраний и лозунгов, хотел песен вроде: «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки»... А тут вдруг, — иди на собрание горничных, кухарок, нянек и тому подобных людей, от которых трудно ожидать вооруженного восстания и... «сами набьем мы патроны»...

Пришел с готовым предубеждением.

В «Аквариуме», как обычно, кипело и бурлило. Черные потоки людей катились туда и обратно. Все залы набиты битком. Не знаешь, куда идти. Спросил. Указали какой-то театральный зал. Протискался с невероятным трудом. Оглядел собрание. Море мужских и женских голов, тысячи глаз... В недоумении спрашиваю: «Сюда ли попал? — говорят, — сюда».

Митинг был уже в полном разгаре. Помню свое удивление и восторг юноши. Пока дошла очередь до меня, на самодельную трибуну выходили один за другим рядовые члены собрания: горничные, повара, кухарки, дворники... Говорили и кричали страстно, нередко с надрывом. Призывали к организации, к борьбе и даже к восстанию. Как сейчас, помню пожилую кухарку, тощую, как скелет, и горячую, как ее плита. Полная гнева, она жаловалась собранию:

— Я живу на пятом этаже, товарищи, а барыня заставляет меня таскать на руках и вверх, и вниз трехпудовую собаку. У нее, говорит, порок сердца. Ах ты, думаю, окающая, а у меня нет порока сердца! Я что же, лошадь ломовая? И стирай тебе, и полы мой, и готовь, и на базар бегай, и горшки твои поганые убирай, а ты еще и собаку на меня взвалила. Нет, говорю, дышать больше не возможно, пойду, говорю, на митингу и все расскажу. К чорту, говорю! Довольно, говорю, измываться над нами, побарствова- ли будя!..

Эта речь, страстная, беспорядочная, наполовину не на тему, вызвала бурю гнева, взрывы смеха и аплодисментов. В таком же духе говорили многие, вернее, извивали душу, выбрасывали в толпу, годами накопившие обиды, унижение, тоску и горечь раба. Раб сбрасывал на моих глазах цепи, и все горели восторгом и жаждой борьбы. Впервые за всю историю собрались они вместе, впервые получили возможность свободно говорить, не боясь хозяйского кнута и глаза. Более горячей атмосферы я не чувствовал ни на одном митинге.

Вспоминается еще один оратор, кажется, лакей из большого барского дома. Красным платком перевязана щека, концы торчали вверх, как у зайца уши. То и дело хватался за щеку, вероятно, болели зубы. Кричал истово, полный не- нависти:

— Разве это жисть! Не жисть, а ка- торга! Подлость одна, хамство! Надо, значит, как рабочие, — всем вместе, обсою- зиться надо. Проучить надо хозяев-то, под зебры взять, как щуку, значит, вст что. Чуть не по зубам бьют, за человека не считают, заставляют брить усы, а бо- роду оставлять, чтобы, значит, сразу лакея видно было. Надо, товарищи, всем за одно!

Он внезапно оборвал свою речь. Гневно:

дано закончив призывом к вооруженному восстанию.

И опять взрыв восторга и гнева, общее движение на трибуну, стихийная тяга, — открыты сердце, слиться с коллективом.

Инессе Арманд слушали с затаенным дыханием, с горящими глазами...

Все говорили о необходимости создания союза, необходимости объединения для борьбы с хозяевами. Инесса связала это с политикой, указав на необходимость борьбы с самодержавием.

Я говорил в том же духе и, кажется, тоже закончил лозунгом — вооруженное восстание. Тут же была открыта запись

П. А. Бляхин, подпольщик-большевик, работал в 1905 г. в качестве агитатора в московском комитете РСДРП франции большевиков.

в члены союза и было избрано временное правление.

Насколько ясна была связь экономики с политикой даже для домашней прислуги, понятно уже по одному тому, что и я, и Инесса были избраны в правление, хотя мы оба ничего общего с профессией прислуги не имели и выступали от имени партии. Ни единого слова протеста. Избраны единодушно. Мы, разумеется, не отказались, так как надо было помочь организовать этой многотысячной распыленной массе.

Этот митинг, эти горячие речи и жажда борьбы со стороны самых забытых слоев необычайно убедительно показали, насколько глубоко избаловано трудовое море, как много накопилось горячего материала в народных низах и как неизбежен взрыв, неизбежно кровавое столкновение с царским самодержавием. И теперь кажется смешным и необычайно жалким тошнотворный лепет меньшевиков после поражения восстания: «не надо было начинать борьбу». Всякий, кто варился в соку рабочих масс того времени, кто чувствовал биение коллективного сердца, хорошо знал, что это неизбежно и неот-

вратимо, как сихия, как смерч. И я это понял, уходя с необычайного митинга.

Таково было настроение масс перед восстанием.

А вот еще один штрих уже после поражения.

Все кончено. Все залито кровью, сожжено и разрушено. Величайшее унижение охватило массы, глубоко затаилась злоба, у многих чувство мести искало выхода. У многих не хватало родных и друзей, погибших близкие. У мордов стояли оче- реди в ожидании выдачи трупов.

1906 год. В союзе кожевников такое же тягостное настроение, как и всюду. Он имел не мало жертв, убитых и раненых, сидевших по тюрьмам. Нужны были огромные средства для поддержки семей погибших и арестованных, а денег в кассе союза не было, партия так же помочь не могла.

Помню один вечер. В маленькой про- куренной комнате собрались все члены правления и те товарищи, которым дове- рили. Я был приглашен, как представи- тель партии. Обсуждался вопрос о том, откуда добыть средства для семей пострадавших от революции и для сидящих по тюрьмам. Несколько наиболее горячих и наименее сознательных голов внесли предложение добыть деньги путем экспро- приаций, а кстаті уничтожить ряд пра- вительственных агентств, известных своей жестокостью при подавлении восстания. Реакция давала себя знать.

Отстаивая линию партии, я выступил против организации террористических групп и против экспроприаций. В резуль- тате разгорелись такие страстные и бур- ные прения, что можно было ожидать прямого столкновения. Мои усилия ока- зались тщетными, не взирая как на неко- торый личный авторитет среди кожевни- ков, так и на высокий авторитет партии.

Большинство согласилось с инициа- торами предложения, и группа кожевников, в том числе два-три члена партии, вскоре открыли боевые действия (члены партии, разумеется, были исключены из наших рядов или вышли сами). Назвавшись максималистами, эта группа через пару недель произвела ряд смелых экспроприа- ций и убийств полицейских агентов, но вскоре была разгромлена. Часть была убиты при аресте, часть повешена, а не- которые пошли на каторгу.

Возникновение такого рода групп мсти- телей и экспроприаторов (впоследствии разложившихся) имело довольно широ- кое распространение в 1906—7 годах, как естественная и неизбежная реакция про- тив кровавого, массового и бессмыслен- ного террора царского правительства, как результат отчаяния.

Митинг домашней прислуги и маленькое собрание кожевников, это — два *противпо- ложных полюса Революции 1905 года*: небывалый под'ем и радужные надежды с одной стороны, разочарование и отча- яние — с другой; призыв к массовой борьбе и к победе на одном конце, мечь в оди- ночку — на другом. Вот два характерных момента, которые я лично наблюдал.

Из этой величественной и мрачной эпохи, разумеется, многое можно расска- зать, но мне кажется, что в юбилейные дни выйдет такое количество воспомина- ний и описаний 1905 года, что повторения неизбежны, а посему можно ограни- читься сказанным.

П. Бляхин.

ГОЛОВКА ИЗ ЧЕРНИГОВА

Революционные силуэты В. Обуха.

31

В молниеносном ходе событий конца 1905 года как-то затерялась история крестьянского с'езда. А между тем, он сопровождался поучительнейшими эпизодами, открывшими многим из нас глаза на тесную зависимость успеха революционной борьбы фабрично-пролетариата от поддержки крестьян.

Обух, Владимир Александрович, член лекторской группы московского комитета РСДРП фракции большевиков в 1905 г.

Несмотря на то, что он собран был безличной группой народнической интеллигенции (Курнин, Тесленко младший, Сталь, Белоруссов, Щербак и братья Мазуренко, из которых один сочувствовал нам), все время тянувшей его на «нейтральную» позицию (фактически к кадетам), революционно настроенные крестьяне стихийно организовались на нем против своих руководителей и в большинстве присоединились к нашим лозунгам. Покойный Виргилей Леонович Шанцер («Марат») направил меня вместе с Херасковым, В. П. Обух и Чириковым на с'езд в качестве делегатов от партии. Нечего говорить, что президиум с'езда отдал нам даже в совещательных голосах, хотя с.р. (Чернов, Фондаминский и др.) пользовались многими привилегиями. Пришлось остаться в качестве «корреспондентов» от газеты «Борьба». Тонкая политика организаторов с'езда—оттянуть жгучий земельный вопрос к концу с'езда и приручить крестьян на «политике», очень ловко срывалась крестьянами. Для этой

опозиции их очень удачно организовал черниговский крестьянин Головка, посвоему разбиравшийся в парламентских тонкостях. Президиум не погнушался лишить его слова при помощи обычных «конституционных» уловок. Головка знал один контриприем—просить слово «к порядку», заметив, что в таком случае даже ему не отказывают, но приходится быть очень лаконичным.

Как сейчас помню, это началось по вопросу об отделении церкви от государства, когда он, после долгих пререканий, получил слово «к порядку» и, выйдя на трибуну, заявил: «а нельзя ли всем понадать «амнистию»?—и при этом сделал гильотинирующий жест. Председатель чуть не вывел его из зала, но компромиссная резолюция была сорвана.

Постепенно нам удалось овладеть (с помощью «кулуарной» работы) крестьянскими выступлениями через Головку и других, но по мере приближения аграрной дискуссии, атмосфера накалялась, а президиум на фракционном совещании с эс-эрами наметил весьма ехидную линию: эс-эры сняли (чтобы «уменьшить затруднения президиума») свою социализацию, чтобы с тем большим сочувствием напасть на наши «отрезки» к величайшему торжеству кадет, выстроившихся в качестве гостей гирляндой у стены зала заседания с тревожными лицами.

Головка в реакционных кулуарах настаивал, чтобы ему разрешили выступить от большевиков с заменой в нашей аграрной программе «поддерживать крестьян вплоть до конфискации». Мы никак не могли убедить его, что не имеем права его на это уполномочить; он злился, жалуюсь, что «не найти партии без супоня» (ремень, затягивающий хомут); остальные крестьяне ему вторили; спаянная было «фракция» разлагалась. Президиум нас лицемерно предупреждал против «незаконных» выступлений, ибо он не ручается за наше благополучие и т. д.

Каков же был эффект, когда мы распространили между делегатами прокламацию, полученную из Питера после только что состоявшегося партийного решения, внесшего в аграрную часть программы изменение, которого так жаждал Головка? Он вырос до неузнаваемости. Потрясая кулаками, он требовал себе права содокладчика для оглашения нашей прокламации. Не добившись этого, Головка,

Обух, Варвара Петровна, член финансовой комиссии московского комитета РСДРП фракции большевиков в 1905 г.

среди неслыханного шума поддерживавшей его «фракции», как вихрь, залетел на трибуну с магическим словом «к порядку», которого ему никто не давал, но которое моментально водворило тишину к величайшему изумлению орошенного президиума. Головка, чувствуя, что уже никакие силы ему не в состоянии помешать, по крайней мере в течение ближайших

секунд, громовым голосом заявляет: «пока мы не возьмем дубину и не выгоним всю сволочь из помещичьих гнезд, никакие резолюции не помогут»,—и под крики из президиума: «долой!», «это не к порядку!»,—кончат: «к порядку или не порядку, а беспорядки не прекратятся пока...» снова гильотинирующий жест.

Со «справедливой оценкой» было покончено, и опасавшийся за нашу судьбу президиум едва спас свою, благодаря незамедлившемуся разгону с'езда полицией.

В. Обух.

1905 г. в Прибалтийском крае. Замок Ремерсгоф после разгрома крестьянами. (Музей Революции).

Уничтожение оружия, отнятого у восставших крестьян царскими войсками в Прибалтийском крае. (Музей Революции).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедельный иллюстрированный журнал
„ОГОНЕК“ — на — 1926 год.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Отрывки воспоминаний.

Волна революции нарастала, подымалась все выше и выше. 9-е января было первым восстанием 905 года, а затем пошло... Восстание «Потемкина», Севастополь, баррикады в Одессе, баррикады в Екатеринославе; Рига, Варшава... Каждый день газетный лист приносил волнующие сообщения о нарастающей необычайным темпом революционной волне. Наконец—кульминация—17 октября, декабрьское восстание в Москве и понижение революционного взмаха.

Две николаевских тюрьмы были переполнены. Декабрьские почти были полны упорной работы жандармерии и полиции. Им достался обильный улов. Весь цвет, все наиболее активные передовые рабочие, выловленные починными облавами, томились в тюрьмах и ждали высылки из Николаева в места столь и не столь отдаленные.

Наша маленькая группа в 3 человека имела честь открыть шествие на север. Почему эта честь была предоставлена нам, трудно сказать: предположить, что мы в глазах жандармерии были наиболее опасными революционерами? Самому старшему из нас было, кажется, 21 или 22 года, мне—18, а третий был гимназист, вся революционная деятельность которого заключалась в том, что он прохаживал в подпольном ученическом журнальчике кое-кого из педагогов...

Наше шествие по городу было импозантное. Нас троих окружало каре из 10 или 12 городовых и околодочных, вокруг них гарцовали конные городовые и 12 казаков, сади на извозчике следовал сам полицеймейстер. Ити пришлось через весь город к вокзалу, где полиция сдала нас конвою. Помимо друзей и товарищей, знавших о дне высылки и провожавших нас, необычайное шествие привлекало такие толпы народа, что конные городовые не в силах были остановить людской поток. Должен покаяться, что своей революционной деятельностью в течение первых 17 лет моей жизни я таких провожатых не заслужил, вина за них падает целиком на полицеймейстера Подгорного.

В арестантском вагоне политических была только наша тройка, остальные—уголовные; но на другой день нашего поезда стало прибывать. В Харькове к нам присоединилась группа выслаемых из Апаньева, в Курске уголовных куда-то увели. Сидя в вагоне, мы не знали, что к северу нас движется целый эшелон, и лишь в Москве, по выходе из вагонов, мы сами акнули...

И кого только не было в этом громадном шествии! Основное ядро составляли, разумеется, рабочие. Шли из Ростова на Дону, из Одессы, из Тулы, Харькова. Было много учащейся молодежи, студентов, курсисток, гимназистов, были учителя, железнодорожники, мельника какой-то дворничий красный окошник. Были латыши, пережившие карательные экспедиции генерала Орлова и Меллер-Закомельского, были кавказцы, побывавшие в лапах Алиханова, поляки, евреи. Не было, пожалуй, ни одной национальности из живших в России, не давшей своих представителей в эту растянувшуюся по московским улицам ленту. Впервые

в истории революционного движения в России в ссылку шли массы крестьян от сохи, от земли. В свитках, овчинах, лаптях шла настоящая чернорабочая сила.

В Бутырьках мы, пересыльные, заняли весь нижний корпус в несколько громадных камер. Нам предстояло пробыть здесь неделю до отправки дальше. Юг, запад, восток посылали все новые и новые партии ссыльных. Крестьяне и некие массы, хлынувшие в тюрьмы, создали необычайный тюремный «кризис». Не хватало тюрем, не хватало арестантских вагонов, было мало обученного конвоя, в городах и селах, столь и не столь отдаленных, не хватало квартир для того, чтобы вместить припавший элемент.

Кстати, о конвое. Еще в Николаеве к нашей маленькой группе со стороны конвоиров было самое лучшее, самое предупредительное отношение. Харьковский конвой был не просто предупредительным к политическим—он поражал своим революционным духом, своим товарищеским отношением к ссыльным. В разговоре они называли нас товарищами; помню, один притащил в вагон какую-то нелегальную брошюру; в дороге на перегонах между станциями они пели с нами революционные песни—видно, конвойная служба была для них прекрасной революционной школой. Когда не то в Курске, не то в Туле они сменялись, нам было искренне жалко с ними расставаться. Прекрасные ребята провожали нас и дальше из Москвы на север.

Режим в Бутырьках был необычайно легким. Камеры весь день не запирались, мы свободно гуляли по коридорам. Два раза в день мы гуляли толпой выходили на прогулку на огромный двор, смеющийся с маленьким двориком Пулячковой бапти. Бапти в то время была центром нашего внимания; в ней сидели недавно привезенные из Шлиссельбургской крепости террористы: Егор Сазонов, взорвавший бомбой Плеве, его товарищ Сикорский, Карпович, застреленный в 1902 году министром Боголеповым, знаменитый Гершуни, вдохновитель и организатор целого ряда террористических актов и Мельников. Их перевозили на каторгу в Восточную Сибирь, и пребывание в Бутырьках было для них временным этапом. Они свободно гуляли в своем дворике, и сравнительно слабый внутренний охрана Бутырок не могла помешать нам переговариваться с ними, перебрасывать им записки, передавать новости и газеты. Но у них, очевидно, была связь с волей помимо нас: так, они во время моего пребывания в Бутырьках передали группе пересыльных крестьян деньги, посланные Крестьянским Союзом.

Были в Бутырьках и другие заключенные с громкими именами: был социал-демократ Касиряк, арестованный в Варшаве в подпольной типографии. При аресте он оказал вооруженное сопротивление, отстреливался, был приговорен к смертной казни, но затем помилован и шел в многолетнюю каторгу. Был Дейч—молодой человек, стрелявший в Двинске в полицеймейстера и приговоренный тоже к смертной казни. О необычайной революционной энергии этого молодого жизнедающего человека, почти мальчика, писал впоследствии его защитник Беренштам, которого поразила выдержка и героический дух Дейча. На суде в ожидании смертного приговора он вел себя, как герой; когда приговор был вынесен, он наклонился к уху Беренштама и сказал ему: «Вы теперь снимите с меня фотографию: после казни наша организация выучит много денег, продавая мои карточки... Он был впоследствии помилован и тоже ждал отправки в Сибирь.

Была маленькая, хрупкая, тоненькая, как былинка, женщина—Измайлович, бросившая неудачно бомбу в минского губернатора, палача Курлова, и затем зверски при аресте избитая жандармами. Было много участников московского восстания, ожидавших суда.

С воли ежедневно приходили свежие газеты со сногшибательными новостями о победе на выборах в первую Государственную Думу новосозданной партии с позволения сказать «народной свободы», и в то же время со всех сторон в Москву шли новые этапы, вместе с которыми московские тюрьмы не могли. Витте и Дурново давали наглядный урок конституционного пра-

ва всем, кто думал, что широкозначительными речами с думской трибуны можно будет добиться от правительства каких-либо реформ. Отправка из Москвы дальше затормозилась. В те годы у Ярославля не было железнодорожного моста. Переправа через Волгу производи-

Вологодская ссылка. Группа ссыльных в Кадникове в 1907 г.

лась летом на пароме, зимой по льду. Но в этом году была ранняя весна, Волга разлилась, переправа не было. Но Бутырки надо было очистить для новых партий, и через неделю после прибытия в Бутырки мы двинулись дальше, но только окружным путем, через Петербург.

Вологодская тюрьма, состоящая из двух огромных корпусов, очевидно, строилась в расчете на большие массы пересыльных, иначе нельзя понять, зачем такому сравнительно маленькому городу такая большая тюрьма, да еще не одна, а две.

Режим в вологодской тюрьме был необычайно мягкий. Уголовных почти совсем не было, лишь несколько человек их обслуживало тюрьму. Камеры и коридоры весь день не запирались и мы были свободны в пределах стен, и даже не только стен. Как это ни дико звучит, а заключенных отпускали большими партиями в город в сопровождении одного надзирателя, многие уходили из тюрьмы без всякой охраны, просто на честное слово. Надо отметить, что политические ссыльные никогда не злоупотребили честным словом, и всегда аккуратно возвращались под решетку.

Такие патриархальные права продолжались до 1 мая 1906 года. 1 мая произошел знаменитый вологодский погром, организованный жандармским ротмистром Пышкиным. Погром этот сделал карьеру Пышкину и испортил карьеру губернатору Лодыженскому, который—единственный в своем роде губернатор—был против погрома, пытался его прекратить и подлил за это от одного из хулиганов камень по голове. Трудно сказать, что руководило Лодыженским: был ли он действительно либерально настроен, или это была неудачная ставка на предполагаемую конституцию в связи с победами кадет на выборах в думу—во всяком случае, его поведение сильно отличалось от образа действия 99% российских администраторов. В Вологде при нем царил конституционный настрой. В магазинах открыто продавалась конфискованная по всей России литература, в тюрьме был необычайный режим, ссыльных в уездах совершенно не притесняли, давали полную свободу, вплоть до свободы убежать. За бегавшими никому и в голову не приходило устраивать погони: их просто вычеркивали из списка и давали знать о победе по месту высылки бегавшего. Если же такой беглец почему-либо возвращался по своей воле (а такие случаи бывали), то его снова включали на выдачу пайка и кончено.

Как сказано, первомайский погром испортил карьеру Лодыженскому. Он вскоре был вызван в Петербург и ушел в отставку. На его место был прислан маховый черносотенец, один из столпов даризма, знаменитый А. Н. Хвостов—впоследствии министр внутренних дел.

Но и Хвостов вначале не очень прижимал ссылку. Первое время мы почти не замечали смены губернаторов, но это было только первое время. В дальнейшем Хвостов себя показал.

Началось с задержки в выдаче кормовых и одежных денег.

До осени 1906 года мы получали кормовых по 2 р. 40 коп. в месяц. Осенней нормой была выдана до 7 рублей 70 коп. Одежных выдавали что-то около 50 рублей в год. Жить на эту сумму было очень трудно, несмотря на необы-

Вологодская ссылка. Слева—тов. А. М. Бахутов (в настоящее время Наркомтруд РСФСР),

Восстание на „Потемкине“

Октябрьские дни в Севастополе в 1905 г. «Потемкин» на рейде. Нагруженный угольщик направляется к «Потемкину».

чайную дешёвизну продуктов. Но при регулярной получке кормовых и одежных мы кое-как сводили концы с концами. Задержка в выдаче денег выводила наш тонкий бюджет из равновесия. А с вопарением Хвостова задержки стали хроническим явлением. Не помогали ни наши протесты, ни обращения в печать, ни демонстративные шествия всей колонией в участок с требованием «либо освободите, либо давайте на жизнь». Исправник и прочее начальство либо отмахивались, либо силой разгоняли такие демонстрации.

Я был послан в уездный городок Кадников. Маленький, весь деревянный, насытившийся тысячами $1\frac{1}{2}$ —2 жителей, мирно дремлющий в окружении густых, прекрасных вечно-зелёных лесов, он был густо перенаселён толпой нахлынувших ссыльных. В среднем колония всегда насчитывала 250—300 человек.

Чем могла заниматься такая орава в таком миниатюрном городе? Занятия имела лишь ничтожная часть ссыльных. Кое-кто давал уроки, но таких было 1—2 человека, кое-кто ремесленничал: было 2—3 сапожника, один портной, остальные были вынуждены на безделье.

Среди окрестных крестьян велась довольно успешно пропаганда. Передко ссыльные уходили бродить по деревням, устраивали собрания, беседовали с крестьянами, читали им газеты и брошюры—и надо сказать, что ссылка

всегда пользовалась огромным уважением среди крестьян.

В 1907 году положение ссылки стало ухудшаться. Налыв пришлого элемента в маленькие города вызывал вздорожание жизни и квартирный кризис; выдача кормовых и одежных стала хронически запаздывать на целые месяцы. Администрация в ответ на требования ссыльных стала поговаривать о том, что где-то в сферах собираются совсем отменить выдачу пособий. Надо было так или иначе реагировать на административный прижим. Решено было созвать с'езд всей вологодской ссылки. Не помню уже, по чьей инициативе были разосланы приглашения прислать по 2 представителя от каждой колонии. Ко всеобщему удивлению мы вдруг узнали, что сам Хвостов разрешил с'езд. Но в самом разрешении чулось что-то неладное.

Надо сказать, что в Вологде, среди прочей ссыльной «аристократии», жил некий Теплицкий—бывший школьный товарищ вице-губернатора Мономахова. Этот Теплицкий по всякому поводу обивал губернаторские пороги, стараясь наладить «сердечные» отношения между властями и ссыльными. Он то и получал разрешение на созыв с'езда. Но зато с'езд превратился в сплошную комедию.

Всех с'ехавшихся в Вологду делегатов пригласили явиться к губернатору. Пришли всей компанией, не зная, зачем их зовут, и к своему удивлению застали за длинным столом в губер-

наторском кабинете всех 10 исправников из всех уездов.

— Садитесь, господа,—заговорил Хвостов,—будем вместе обсуждать нужды ссыльных.

Делегаты опешили. Такого общества никто не ожидал, еще меньше ожидали, что им придется с Хвостовым и исправниками обсуждать нужды ссыльных. Стоявшие ближе к двери стали поодиночке удирать, за ними пустились и остальные.

— Стойте, господа, куда же вы?—подняли крик исправники и Хвостов. Но «господа», нахлобучив шапченки, кубарем выкатывались на улицу, не зная—хохотать ли им или ругаться. Делали, конечно, и то и другое, т.-е. и хохотали и ругались, причем Теплицкому в это время, вероятно, плохо шлось.

Хвостов сейчас же послал вслед делегатам полицейских с требованием немедленно раз'ехаться по уездам, в противном случае они будут отправлены этапом. С'езд был сорван.

Вскоре после этого Хвостов перешел на крутые меры.

Начались беспричинные аресты, обыски, высылки из уезда в уезд. Ссыльных хватили, часто без вещей, без белья, отправляли в отдаленные уезды или в другие губернии. Дошло до того, что ссыльным стали запрещать выходить за черту города.

Реакция, вопарившаяся всюду в России, большее всего ударила по ссылке.

М. М.

Одесса. Донские казаки наблюдают за «Потемкинским».

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ В ЦАРСКОЙ ОХРАНКЕ

Статья старшего следователя Мосгубсуда И. В. Алексеева.

Армией до 50 тысяч человек, вышколенных обученных провокаторов, обладало царское правительство... 50 тысяч предателей ежедневно во всех концах страны совершали свою гнусную работу, сообщая о каждом шаге того или иного революционера, о намерениях и действиях революционных организаций. В борьбе с революцией—это было самое надежное, самое сильное оружие. Через них, через эту армию правительство знало врага, а знать—это половина уже быть победителем... лишь наполовину. Быть может, задержать революцию, но не предотвратить ее могла эта армия. Исчезло самодержавие и вместе с ним исчезло и материальное благополучие тех, кто предательством своим записал «царя и отечество». Часть из них, вероятно, эмигрировала за границу акклиматизировалась там, внося свой опыт и знания в работу многочисленных сыскных учреждений многочисленных крайних государств. Многие умерло, но много осталось и у нас, перекрасившихся, приспособившихся так или иначе к новым порядкам.

Именно в числе последних оказалась и Анна Егоровна Серебрякова, этот лучший цветок в букете моск. охран. отделения, этот «убежденный враг крамолы», как однажды охарактеризовал ее в докладе парю Столыпин Губокой, забытой всеми старухой, вошла Серебрякова в революцию... и—новое правительство заботится о нетрудоспособных—с помощью

ки, дружеская и тесная связь с которой продолжалась свыше 25 лет.

«ОПЫТНЫЙ УЧИТЕЛЬ В ОХРАННОМ ДЕЛЕ».

«Она являлась не только глубоко преданным агентурным источником, но и компетентным советчиком, а иногда и опытным учителем в охранном деле»—так отзывался о ней Зубатов, этот наиболее дальновидный и умнейший из царских охранников.

Сменялись начальники моск. отделения: Зубатов, Ратко, Фон-Котен, Заварзин... но Серебрякова неизменно в течение почти 25 лет была своим человеком в мрачном здании на Гнездинковском переулке, где сосредоточивались все нити предательства и провокации. Эта опытность, этот многолетний стаж и делали ее не просто агентурным источником, но советницей, руководительницей, учителем в охранном деле.

Размеры статьи не позволяют привести всех тех похвал, что щедро и красноречиво расточали для нее все эти столпы политического сыска.

Когда в 1907 г. Серебрякова возбудила ходатайство о выдаче ей пособия, горячо и прямо вдохновенно поддерживали московские охранники это ходатайство, приходя к выводу, на основании сопоставлений ее работы с работой других провокаторов, что 10 тысяч рублей, в качестве единовременного пособия, должны быть выданы ей «за самоотверженное, честное и плодотворное долготелее сотрудничество в деле борьбы с крамоллой».

Просимые деньги были выданы Серебряковой, правда—в уменьшенном количестве.

Но не одни московские охранники были очарованы Серебряковой. В 1911 г. сам Столыпин, будучи тогда министром внутренних дел, обратился со всеподданнейшим докладом на царское имя о назначении ей пожизненной пенсии.

«Будучи убежденным врагом крамолы»,—пишет Столыпин,—Серебрякова выполняла свои обязанности идейно, мало интересуюсь денежным вознаграждением и совершенно тайно от своих родных».

На этом документе рукой Николая «начертано»—«СГ», что, надо полагать, означает «согласен».

Характерная деталь: в целях устранения всяких подозрений, пенсия, по просьбе уже бывшего в то время в отставке Зубатова, переводится в Москву департаментом полиции, не непосредственно Серебряковой, а на имя «отставного надворного советника, проживающего в Москве, С. В. Зубатова», для передачи по назначению... и сама Серебрякова собственноручно пишет в департамент полиции заявление, просит переводить для нее деньги на имя «Сергея Васильевича Зубатова».

ПРОВАЛ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА В 1902 Г.

С достаточной ясностью следствием установлено пока несомненное участие Серебряковой в провале московского комитета РСДРП в 1902 году. Обстоятельства этого провала таковы: агент редакции газеты «Искра» В. В. Гурвич-Коженикова (жена Дана), выполнявшая по

Анна Егоровна Серебрякова (снимок сделан в 1881 г.).

ручение, данное ей ленинской редакцией «Искры», приезжает в Москву, с целью связаться с московским партийным комитетом. Заграницей она получает явку на Москву... прямо к Серебряковой. Через Серебрякову Гурвич устанавливает связь с МК РСДРП, но через Серебрякову же ее приезд узнается также и московским охранным отделением. «Из агентурных источников» становится, кроме того, известным и то обстоятельство, что приезжий агент «Искры» «вошел в связь с московской организацией соц.-дем». Далее департамент полиции дает московской охранке предписание «застичь представителей «Искры» и комитета на каком-либо из их совместных заседаний». Эта задача блестяще выполняется охранным отделением с помощью Серебряковой.

СЕРЕБЯКОВА О СЕБЕ.

Она говорит и много и мало... Много об всем, относящемся ко всему, но не к ее роли в охране. Мало или вернее ничего об этой стороне своей деятельности. У нее прекрасная память, восстанавливающая детали; мелочи, но упорно отказывающаяся вскрыть свое второе лицо.

Все, что признает за собой Серебрякова—это связь с охранным отделением, или точнее только с Зубатовым и только лишь в области легализации рабочего движения... Зубатов в ее освещении мало образованный человек. И вот на помощь ему пришла она со своим образованием, знанием иностранных языков, переводившая для него о рабочем движении на Западе, подбавлявшая для него библиотеку и, далее, читавшая для него лекции, которые он затем повторял своему рабочему кружку...

Увлекалась этим движением, легализацией,—говорит Серебрякова,—я была в значительной степени согласна и с экономизмом...

Анна Егоровна Серебрякова,—или, на языке охранного отделения—«Субботина», «Туза» и «Мамаша»,—стояла в центре работ охраны, она знает все, но она молчит, ибо она—сознательный и последовательный враг революции. Уличена, побеждена, но не сдается.

Московские охранники в числе прочих кличек дали ей кличку «Мамаша». И поистине, она заслужила ее; многолетний стаж дает ей на эту кличку полное право.

И. Алексеев.

В. В. Гурвич-Коженикова

В. В. Гурвич-Коженикова
1911 г. 12/12
В. В. Гурвич-Коженикова
1911 г. 12/12
В. В. Гурвич-Коженикова
1911 г. 12/12
В. В. Гурвич-Коженикова
1911 г. 12/12
В. В. Гурвич-Коженикова
1911 г. 12/12

Анна Егоровна Серебрякова

В. В. Гурвич-Коженикова

Заявление Серебряковой в департамент полиции о высылке для нее денег на имя С. В. Зубатова. (Музей Революции.)

лиц, знавших лишь одно ее лицо—лицо общественной работницы, с помощью лиц, уже сошедших в могилу, она оказалась пенсионеркой Советского государства, получая вначале пособие в общем порядке социального обеспечения, а с 1922 г. попадая даже на паек Кубу. Революция мало изменила ее жизнь: пенсия, которую получала она с 1911 г. по январь месяц 1917 г. за «услуги по делам государственной полиции», сменилась пенсией другой, пенсией, получаемой ею, как инвалидом «труда». Это все перемены, что произошли в образе жизни Серебряковой после февраля 1917 г.

САЛОН Г-ЖИ СЕРЕБЯКОВОЙ.

Связь Серебряковой с полицией установилась в период 90-х годов прошлого столетия, когда в революционную среду только что стали проникать идеи марксизма. В этот период, как и в более позднейший, квартира Серебряковой была как бы политическим салоном, с марксистским уклоном, где собиралась передовая интеллигенция и где велись ожесточенные споры с народниками. Серебрякова была не только гостеприимной хозяйкой дома, но и умной собеседницей. Образование, работа в издательствах и газетах, давали ей репутацию передовой и интересной женщины.

В ее квартире обустраивалась программа первого марксистского журнала «Начало». Здесь бывали Струве, Луначарский, Мицкевич и друг. Позднее, когда от слов перешли к делу, к пропаганде, агитации, к созданию рабочих кружков и соц.-дем. организаций, то и в этот период квартира Серебряковой оставалась нужной, ценной квартирой, где происходили деловые встречи, велись конспиративные разговоры.

Многое скрывалось от Серебряковой. Но не все. Она считалась все же своим человеком... да и, кроме того, чего бы, казалось, конспирировать, скрывать от нее, когда именно Серебрякова оказывала определенные услуги революционерам: от нее и через нее получалась часто негательная литература, паспорта, она лапала квартиры для собраний, предоставляла ночевки и т. п. и т. д., и, наконец, в ее руках находилась помощь политическим заключенным: она собирала деньги, распределяла их, была в центре работ политического Красного Креста.

Полезная для революционеров, А. Е. Серебрякова была еще более полезна и для охран-

Составлено в 6-м Издательстве
Всесоюзного архива
Составлено в 6-м Издательстве
Объем: 1-й том, 1911 г.
Составлено в 6-м Издательстве

ДОКЛАД

МИНИСТРА

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

В целях секретности сотрудничества, состоявшегося из посланных в 1907 г. при Московском охранном отделении, в течение 25-ти лет неслыханную Анну Григорьевну Серебрякову, которая оказывала весьма ценные услуги делу политического сыска. Благодаря ей уклонки, розыскные органы удалось обнаружить несколько подпольных типографий, раскрыть преступную деятельность различных профессиональных организаций, выявить многие революционные кружки, прояснить свою деятельность во многих городах и villages, оказать руководство центрами стоящих, и таким образом нанести революционному движению весьма значительный ущерб.

Будучи убежденным врагом крамолы, Серебрякова исполняла свои обязанности идейно, мало интересуясь денежным вознаграждением и совершенно тайно от своих родных. В силу принятых на себя добровольно обязанностей по содействию правительству на борьбу с революционным движением, Серебрякова вынуждена была скрывать от них, что ее деятельность в области политического сыска, революционного движения, нельзя было назвать их убеждениями, и ей приходилось непрерывно страдать из-за невозможности уберечь своих детей от опасности увлечения революционной борьбой и скрывавшей от них сотрудничество с властью.

Е. В. Гурвич-Коженикова
1911 г. 12/12

Резолюция Николай II, сделанная собственноручно на докладной записке по департаменту полиции о своем согласии выплачивать Серебряковой денежное вознаграждение за ее работу по политическому розыску. (Музей Революции.)

ПОГРОМНЫЕ ДНИ В ОДЕССЕ В 1905 ГОДУ

От нашего одесского корреспондента.

Это были дни, когда революционный буреви́ст навис черными тучами над царской Россией. Неумолимый грозный нож пролетариата приближался к двуглавному орлу. Этот нож надо было отвести, бросить ему жертву, утихомирить разбушевавшуюся стихию революционного пролетариата.

С каждой вспышкой угнетенного пролетариата начиналась дикая травля евреев. Но провокаторские попытки шпи́ков разбивались не раз о стены рабочих кварталов, где агитация революционных организаций расшифровывала застенные мысли царских охранников и генералов. История делала свое дело. И новые походы на «жидов» не могли уже отвести взоров народа от последствий японской войны и призывных лозунгов социализма.

Октябрь в Одессе открывается всеобщей забастовкой. Спаянность, солидарность и сочувствие к стачечникам зажгли и революционно настроенную молодежь.

14 октября толпы юных гимназистов, студентов и курсисток объявили забастовку, и самых консервативных из учащихся снимали с занятий. И вот против опасных врагов порядка выслали отряды свирепых казаков и городских. Началась дикая расправа. Казацкие нагайки прыгали по спинам студентов и курсисток.

Забастовка продолжалась. И 17 октября под натиском революционного шторма, стачек и баррикад, охвативших почти всю Россию—Николай бросил свою жалкую подачку—манифест «свободы», обгабивший кровью улицы многих городов, в том числе и Одессы. Это был политический маневр, чтобы обласка́ть врага и в минуты его спокойствия легче убить...

В полдень 18 октября пероде́тые шпикеры по указке

Манифестация черной сотни.

скую рабочую самооборону.

В здании медицинского университета на помощь студентам пришла из рабочих кварталов молодежь, пришли ученики морского училища и оттуда уже, разбившись на отряды, они пробивались на Молдаванку и вступали в бой с погромщиками.

Сколько ярких незабываемых эпизодов и картин самоотверженности рабочих, шедших защищать своей грудью еврейское население, вписаны в историю одесского пролетариата. Многим помнится, как на Торговой улице отряд рабочей самообороны был встречен обстрелом солдат и казаков. Рабочие и студенты спрятались в близлежащих домах и до ночи городские и отряды солдат с пулеметами их осаждали. Немало жертв понес отряд в неравном бою. Кареты скорой помощи, подбиравшие раненых евреев и самооборонщиков, беспечно обстреливались казаками.

Чтобы обезвредить самооборону, студентам было предложено покинуть здание университета. В ответ самооборонцы забаррикадировали все входы, решив защищаться до последней капли крови. Началась осада. И только к концу погрома отряды солдат снялись и вблизи университета оставили один пулемет. Колесо истории закрутилось еще быстрее и докатилось до бурных дней Октября 17-го года. Д. Маллор.

Везут раненых.

Странные похоронки. Трупы замученных и истерзанных хулиганами и городскими евреями в дни погромов 18—22 октября в Одессе в 1905 г.

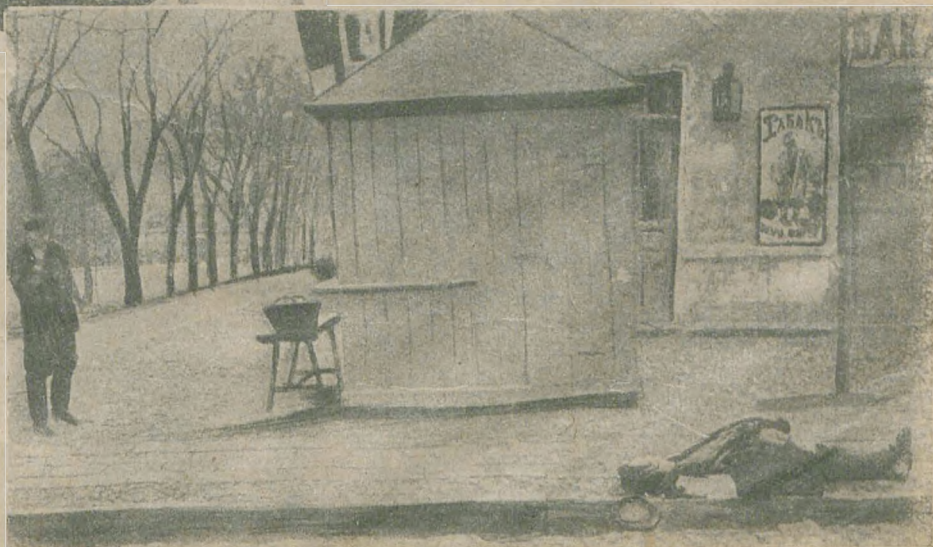
градоначальника Нейдгарта устроили патриотическую манифестацию, чтобы возбудить благодарные чувства к Николаю за его высочайший манифест.

Началась Варфоломеевская ночь. Большие трех дней и трех ночей потоками лилась кровь истерзанных и измученных евреев.

Били и резали, конечно, на Молдаванке—где обитает еврейская беднота.

Центральные улицы города, где проживала еврейская буржуазия, охранялись казаками и городскими. А на Молдаванке, на Ришельевской, Большой Арнаутской и др. улицах, еврейское население—старика, дети и женщины—с безумным страхом пряталось в подвалах и погребах.

В эти тяжелые дни лучшие и передовые рабочие, революционеры и героические

На улицах города после погрома. (Музей Революции.)

Утро воспоминаний на б. Прохоровской фабрике

Редакция журнала «Огонек» организовала несколько вечеров воспоминаний о вооруженном восстании 1905 года на фабриках и заводах, в самой гуще рабочих масс.

Старые баррикадники, борцы за великое дело русской революции, испытанные дружинники выступили перед рабочими, наполненными клубы, чтобы услышать в живых, правдивых словах, как возникало и рождалось самое начало кровавой и длительной борьбы русского пролетариата с самодержавием и капитализмом.

Участники революционной борьбы 1905 года—каждый по своему осветили те моменты из этой борьбы, которые остались в их памяти и которые казались им наиболее интересными.

В этом номере мы попытаемся дать наиболее яркие моменты из вечера воспоминаний, организованного нашей редакцией 11 октября 1925 года на фабрике «Трехгорная Мануфактура», бывшей Прохоровской.

Вечер воспоминаний состоялся в клубе фабрики на Красной Пресне и собрал значительное количество рабочих. Собрание открыл председатель райкомиссии по устройству 20-летнего юбилея, тов. Офицеров. Он предложил почтить выставлением память тех героев, которые пали на баррикадах в неравной борьбе с капитализмом.

Далее слово для краткого доклада предоставляется т. Плеханову.

Плеханов.—Товарищи, что либо сказать в данный торжественный серьезный момент у меня не хватает сил. Я постараюсь поделиться с вами, насколько мне не изменяет память, пережитком вооруженного восстания, потому что я был в то время полуробенком, мне было 16 лет. Этот торжественный момент заставляет меня сказать то, что мы, молодежь, воспитывались в такой колыбели, как Прохоровская фабрика, и, действительно, вышли достойными сынами этой колыбели. Мы явились революционерами, такими, какими были наши старые товарищи того возраста в 1905 году.

Итак, товарищи, 20 лет прошло. Как будто в мировании времени очень немного. Не много прожито, но страшно много пережито. Эту общую фразу я полагаю необходимо сказать, потому что пережито страшно много. В 1905 году, я думаю, вы помните, впервые в Москве, и в Питере (так я его называл, как он назывался), был организован совет рабочих депутатов. И, как прообраз, как параллель, в победу революции в 1917 г., чтобы утвердить победу рабочих, чтобы закрепить за собой все положения, мы также организовали совет рабочих депутатов. И этот совет является именно символом зарождения нашей власти—рабочей власти, где все, выражаясь словами Ильича, от самой последней кухарки до самого высшего в СССР элемента принимают горячее участие в строительстве, кроме, конечно, наших врагов, кроме тех, которые все время ползали мостовые нашей кровью, когда мы боролись с ними из-за куска хлеба. И вот, я повторю, нам необходимо учиться на уроках 5 года и на жизни тех погибших товарищей, которые были с нами в 5-ом году. Во имя общего блага, во имя того, чтобы никогда человек не эксплуатировал человека, мы должны организоваться к новой жизни, к жизни коммунистической.

С общим докладом выступает тов. Гусаров. Это рабочий, поступивший на Прохоровскую фабрику в 1897 году. Самым революционным элементом на фабрике были ткачи, и первая забастовка, в которой тов. Гусаров принимал участие, вспыхнула среди ткачей. Правда, она возникла на экономической почве, но параллельно с этим пародились и нелегальные организации чисто революционного характера. Администрация фабрики расправлялась с забастовщиками путем увольнения; царская власть тоже не зевала—арестовывала и ссылала рабочих. Для того, чтобы спровоцировать революционных рабочих и выудить их, царская охрана создала якобы легальную зубатовскую организацию. Гусаров вступил в эту организацию, пробыл в ней около шести месяцев. В организации было несколько «вождей». Один из них самый, казалось, чистосердечный, был лекий Жилин.—Когда мы были у Будькова на собрании, в трактире,—рассказывает тов. Гусаров,—он мне говорит: «а ты хочешь жить хорошо?» Я говорю: «неудурно бы». — «Я заработал 25 рублей, я могу сделать, чтобы и тебе жилось хорошо».

Я говорю: «ты все бугерброды кушаешь, я тоже не прочь бы». Он и говорит: «поступай в охранку и будешь там работать, как мы все работаем». У меня, товарищи, закипело в душе, и я стал думать: так или иначе здесь есть козвенная связь с охранкой, раз это есть, то хорошего дела не может быть. Таким образом, я выхожу из этой организации и уношу с собой самих, что на нас есть лучших рабочих, которых и сказал, что эта орга-

низация не рабочая, и в ней дальше продолжать работать не нужно.

Что делала эта организация. Витт этой организации руководился охранным отделением, они хотели работу направить в такое русло:—царь де освободитель крестьян.

Тов. Еремин, дружинник, расстрелянный на Прохоровке в 1905 г.

И вы, товарищи, помните, что на нашей Трехгорке у зубатовской организации собрали средства на венок Александру II и венок был куплен и был преподнесен в Кремле. И в этот день интеллигенция не выпускалась, а пускали лишь рабочих по особым билетам.

Чем эта организация пыкала рабочих: старалась устраивать грандиозные лекции, говорили, как ангелы витают, как бог расселся на небесах и т. д. Насколько помнится, какая была смехотворная история (я хочу упомянуть ее для того, что мне думается она нужна в истории в Историческом музее, где митрополит Владимир служил молебн для этой зубатовской организации, а мы знаем, что из зубатовской организации самые, что ни на есть лучшие революционные рабочие уже вышли, и оставались более слабые, больше старики, старушки. Эти слабые рабочие были неподвижными, и потому они, получив билеты на этот молебен в Исторический музей, передавали их другим рабочим, более подвижным и вот эти подвижные рабочие направлялись в Исторический музей. Там совершался молебен, там пел хор Перлова и рабочие знали, что этот любительский хор будет в конце молебна петь: «Славься, славься наш русский царь». И вот, когда он пропел первый раз, то были оглушительные аплодисменты. Он

три раза повторил и все три раза были оглушительные аплодисменты. Тогда митрополит Владимир видит, что над ним насмехаются, он обращается к рабочим и говорит:—Братия, бог вам простит и я вам прощаю. У нас было богослужение, а вы устроили какой то театр. Здесь старики были религиозные, даже упали духом, как же это так случилось.

Теперь с этой организацией мы кончили. Далее, тов. Гусаров поделился интересными впечатлениями о забастовке, вспыхнувшей на фабрике в начале января 1905 года. Владелец фабрики Прохоров, получив требование рабочих о восьмичасовом рабочем дне, сказал:—Да разве это возможно—8-часовой рабочий день, в какой стране это бывает?—И, конечно, знал, что ни в Англии, ни во Франции этого нет, но просто на бум-бам ему ответил:—Я слышал, что в Австралии и в Новой Зеландии. Он говорит:—Ну, может быть—там это и есть, а у нас невозможно; я, впрочем, не против этого, только если это пройдет законодательным порядком. Потом он обратился к нам с такими словами:—Вы, мол, рабочие, считаете нас своими врагами; ничуть не бывало, мы вам не враги, а друзья. Вы работаете, мы наживаем капитал, и если вы больше работаете, мы больше наживаем и больше вам даем. Я знаю, что рабочие стремятся улучшить свое положение, и мы тоже к этому стремимся.—И мы видим теперь нашу правду через 20 лет, даже меньше: гигантские шаги пришли к цели, и в 1917 году рабочие и крестьяне берут власть.

Рассказывал тов. Гусаров и о других событиях, предшествовавших вооруженному восстанию: например, о митинге на кухне фабрики, где пришлось убеждать малосознательных рабочих провести однодневную забастовку.

Затем Гусаров сильными мазками изобразил самую картину восстания:

—Ровно в 12—на фабричном дворе устроили митинг, потом пошли в спальню и там тоже был митинг, а 18 числа, вы помните, была грандиознейшая демонстрация и она шла спокойно по самой Пресне. Колонна пошла уже к Зоологическому саду, а хвост только входил на Пресню. Но тут нас окружили с трех сторон: и от Зоол. сада, и с Ваганькова кладбища, и с Трехгорного переулка, и началась свалка. Одна женщина (Козырева) несла знамя.

Знамя было с надписью: «Казак!», вы наши братья, в нас не стреляйте». Но один казак разорвал знамя пополам.

В нас, правда, тогда не стреляли, только дурили нагайками и мяли коными. 9-го началась постройка баррикад, а уже 10-го на Пресне открылся огонь. Сотня казаков пала на баррикаду. Дружинники дрались, как львы, и в результате казаки отступили, а один был ранен. Разделение функций было вот какое: вам известно, что у нас родился Революционный Комитет; в него вошли интеллигентные люди и часть рабочих, а именно: я, Баулин, Краснов, Комиссаров, Дмитриев, Тюлькин. Этот комитет руководил всем восстанием. Дружины у нас были разделены на сотни, а сотнями командовали: Медведев, Седов, Кузин, Осипов, Тюлькин и я, только 2 дня. Потом у меня это дело отобрали, потому что я в это время был семейный и меня послали вместе с другими семейными строить баррикады, так как они были очень неподвижные. Они говорили:—Мы бы пошли с вами в революцию, да у нас дети, семьи.—И вот, для того, чтобы вовлечь этих семейных, мы пришлось своих двух малышей (одному шел 5-й год, другому—3-й) поставить на стол и сказать:

—Видите, во имя революции я тоже бросаю своих детей и может быть буду расстрелян или пойду на каторгу.

Таким образом, Пресня подверглась до 19-го, 17—18-го был обстрел жилых помещений прапирями и гранатами, и я думаю, все помнят, что первая граната попала в мою комнату и уничтожила там все тарелки, рюмки, словом—все. Жены тогда дома не было. Часть рабочих ушла от нас, и нас осталось человек 17—18. Я, как сидевший уже в тюрьме, знаю, что бывает за эту революцию и говорю:—Наша песня сета, мы революцию проиграли, теперь будем ждать кары себе. Чтобы не быть расстрелянными, давайте смазывать пятки салом и утекать отсюда.—Мы спрятали оружие и 20-го числа я бежал на родину. Там я был арестован 6-го февраля и препровожден в Таганскую тюрьму. Нас обвиняли по 100 статье, ч. 2, которая ведет за собой несколько лет каторжных работ. Нас судилось, кажется, 65 человек 22 были осуждены, остальные оправданы. По 12 лет получили: Еремин, Кузин и Тюлькин, по 10 лет—Осипов и Дмитриев, по 4 г.—Комиссаров, Зеленцов и Чеснов, по последнему по молодости лет получил 3 года. Еще 10 человек получили Му-

Место на быв. Прохоровской ф-ке, где были расстреляны 19 рабочих по распоряжению полковника Мина в 1905 г.

состояния, которого у них не было, а остальные все получили арестантские роты на разные сроки. Так это все кончилось.

Моя история: я прибыл на место ссылки 22 мая 1907 года, а 25 августа бежал в Россию и стрелял там нелегально.

Мне пришлось скрываться несколько недель у жены, и пристав каким-то образом узнал, что я нахожусь в деревне и вечером 4-го октября окружает мой дом. Мне ничего не оставалось, пришлось прыгать в толпу — разувшись, разденувшись, прыгать с чердака. Мне удалось от пристава убежать. Я бросился к Москве-реке, половину реки переплыл, осталось еще половину плыть, но я устал и повернул обратно. Лег под берег, а затем перешел в стог, пролежал целый день в стогу, а на другую ночь пошел к знакомым. Они меня приняли. Жена принесла одежду и живу в Шуе по нелегальному паспорту. В Иваново-Вознесенске меня арестуют и пересылают в шувейскую тюрьму, а там нашелся такой ловкий помощник начальника тюрьмы, маленького росточка, привел человека 7 тюремщиков и давай меня бузавить, за то, что не бежал больше из Сибири. В 11 году я был отправлен в Сибирь, где и был вплоть до 17-го года, вплоть до амнистии, данной временным правительством. К нам поступил в 24 г.

После воспоминаниями поделились т. Меркулов и другие. Пространно обрисовал работу нелегальных организаций на фабрике тов. Тюльпин. Он рассказывал о собраниях на конспиративных квартирах, о первых организаторах революционной работы главным образом из партии эс-эров: «Мне хорошо известна эта работа: сначала листовочки, брошюры. Мы получали их за работой и расбрасывали. Таким образом, мы привлекали лиц и организовывали кружки. Эти маленькие кружки ходили на занятия на конспиративные квартиры. В этих кружках были беседы: о политической экономии, освещалась картина самодержавного строя, жизнь рабочих, каким путем фабриканты и заводчики эксплуатировали рабочих, почему они так живут, почему строй сделан так, что мы находимся в таких условиях. Подготовка была чисто практической, простой, чтобы каждый рабочий уразумел, что он из себя представляет, как он должен жить, как живут другие и как в дальнейшем нужно построить жизнь. Говорили, как надо готовить борьбу, чтобы повести к окончательному свержению самодержавного строя. До этого шла кружковая работа по районам, делались массовки в лесах, — в Измайловском лесу, в Кунцево, на Воробьевых горах, Фили, у Кузьмичевского моста, на огороде Загrevского сада. И всегда массовки были общие.

Отметив организующую роль 1905 года, тов. Тюльпин заканчивает свою речь: — В. И. Ленин сам сказал, что не будь 5 года, не было бы и Октября. Мы бы не сидели теперь так спокойно в этом здании.

Тов. Львов-Марсианин, бывший начальник боевой рабочей дружины большевиков, осветил момент борьбы на баррикадах в «Аквариуме». Всем вам, наверно, памятен «Аквариум», где председательствовал Седой и призывал к бою, выступая от имени большевиков. Я думаю, вам памятен тот «Аквариум», где вас потрепали казаки. В 5 году союз кокевников создал боевую дружину исключительно из большевиков, которая открыла бой против жандармских казарм. В 5 году весь моск. комитет с.д. стоял за вооруженное восстание. Я — член

Моск. Совета Раб. Депутатов 5 года; и там решался на первом же заседании вопрос о том, чтобы привести политическую забастовку к вооруженному восстанию. Поэтому, ни в коем случае нельзя приписывать одним эс-эрам участие на баррикадах. В то время, товарищи, и

терных эпизодов из вооруженного восстания 1905 года.

Работница Морозова, активная участница восстания, рассказала подробно о том, как шили на фабрике красный флаг для восстания, как женщины-работницы проявили не меньше

Группа активных участников революционного движения 1905 г. на Прохоровской фабрике (ныне Трехгорная м-ра).

эс-эры, и большевики сражались на баррикадах бок-о-бок. В то время не было такого предательства со стороны партии эс-эров, как в 17 году. Здесь вспоминали многих видных деятелей эс-эровской партии — я вспомню одну личность: это — Александр Никифоров, сын знаменитых народолюбцев Никифоровых, потом братья Мазурины, Владимир и Николай. Владимира расстрелял Войлочников, а история брата Николая такова: Николай Мазурин в 1918 году организовал боевые дружины в Сибири против Голчака и чехо-словацких банд. Во время боя знаменитый революционер Николай Мазурин попал в плен к чехо-словакам и знаменитый революционер 5 года, эс-эр Николай Мазурин, был расстрелян эс-эрами. Мы видим, какую предательскую роль сыграла партия эс-эров в 17 году. В 5 году эс-эры бились с большевиками на баррикадах, в 17 году эс-эры расстреляли того эс-эра, который пошел с большевиками. Я указываю на те исторические факты, товарищи, которые говорят за то, что... в гуще московских масс работали большевики, в то время коммунистов не было, была единая социал-партия с фракцией большевиков.

Тов. Гринуш рассказав несколько харак-

теризмов, чем мужчины. — Мы купили кумачу и сделали флаг и сделали надписи: солдаты вы наши братья, не стреляйте в нас. Разденьте ваши шинели и посмотрите. Вы такие же, как мы. — Мы в 10 ч. вечера выстроились на этой самой кухне, которая сейчас занимает столовую и там бывает другой раз кино. Я шла в первых рядах, а знамя на двух палках несли Мария Козырева и Анна. Нам был приказ, по появлению казаков не стрелять, а мирно их упрямить и мирно расходиться от них. Я шла в первых рядах. По другую сторону шел выученик Прохоровской школы, не знаю фамилии. Мы пошли по Красной Пресне, и как только повернули по Пресне, так увидели Ваганьковское кладбище и целую тучу черную казаков. Толпа бросилась, кто куда пошло и Анна от Козыревой упала, так что ей флаг одной было не удержать. Я не знала, что казаки будут делать. Все-таки я подбежала к Козыревой и взяла другую палку, стала ее держать и старалась надписать поворачивать к казакам. Впереди их был офицер, и он требовал строго: разойдитесь, а мы не трусили и флаг поворачивали к солдатам. Стрельбы не было, но народ разбежался по углам, и пришлось тогда, когда казаки повернули обратно. Васи-

лий Морозов держал руки в карманах, ему страшно хотелось выстрелить, но он подчинился нашему руководителю. Вот когда офицер командовал, стали поворачивать обратно и тут же публика стала скопляться. Тов. Седой не шел с нами, он стоял на пожарной лестнице и глядел, как мы идем. Когда мы вернулись по Хамовническому району и прошли по Трехгорной и обратно мимо фабрики, он сказал — вы прошли блестяще, великолепно, мы видели ваши силы.

Трудно здесь, в сжатой статье привести все те отдельные яркие моменты из великой революционной борьбы 1905 года, которые предстали перед слушателями Прохоровской фабрики.

И невольно двойное чувство охватывало слушателей: с одной стороны — ужас при воспоминании о тех мучках, в которых рождалась русская революция, с другой стороны — преклонение перед героями 1905 года, чей счастливый удел — дожить до наших дней...

А. С.

Прохоровский «парламент рабочих».

Как они встретились. 14-го ноября в Париж возвратился виновник провальной бани в Дамаске, бывший комиссар Сирии ген. Саррайль. На Лионском вокзале он был встречен парижскими сослуживцами, а также и Апри

лом в СССР—г. Заккия-беем, советским послом в Турции тов. Сурицем, заведующим

печь доктора и работает над дальнейшими открытиями в области радия; другая (слева)—пианистка.

Те, которые ждут... Вы можете видеть их каждый день в Париже, у входа в Палату Депутатов, у той двери, которую иногда пускают публике. Они ждут возможности как-нибудь пробраться к трибуне или на хоры, чтобы присутствовать при прениях; или—может быть, они надеются, что пройдет мимо знако-

протокольной частью тов. Флоринским и представителем Наркомзема.

Народный комиссар земледелия тов. Смирнов по случаю болезни не мог встретить г. министра, и через представителя НКЗ передал прибывшим свое приветствие.

Г. Сабри-бей предполагает пробыть в СССР около месяца и посетить ряд провинциальных городов, а также ознакомиться с качеством наших с.-х. хозяйственных орудий, которые могут быть экспортированы в Турцию. Главной целью приезда г. Сабри-бея является укрепление хозяйственной связи между народами СССР и Турецкой республикой.

Жувенелем, своим заместителем. Жувенель поздравился, выразил Саррайлю свое желание возможно скорее и обстоятельнее поговорить с ним относительно дел в Сирии, на что Саррайль резко ответил, что им собственно говорить не о чем. Только после долгих убеждений со стороны Жувенеля, что он не может вступить в управление страной без тех сведений, которые ему даст Саррайль, тот, наконец, согласился с ним побеседовать.

Призраки прошлого. В Копенгагене в настоящее время находится много русских эмигрантов, в числе которых быв. царица Мария Федоровна. Мария Федоровна происходит из дат-

Мари Юри, жена и славная соратница своего мужа в деле открытия радия, с двумя дочерьми, из них—старшая (справа) имеет сест-

Гримасы капиталистического мира. Жан-Ле-Рой, первый изобретатель кинематографа, находится в страшной нужде. В свое время он не озабочился о взятии патента на свое

В ближайшее время в библиотеке «Огонек» выйдет книжка Мари Юри о совместной работе с мужем по открытию радия.

Закладка лесовоза «Михаил Фрунзе».

14-е ноября—день пятилетия освобождения Крыма от Врангеля, был в нынешнем году двойным праздником.

В этот день на стапеле севастопольского морского завода было заложено, после долгого перерыва в судостроении, первое советское судно—лесовоз имени тов. М. В. Фрунзе.

Ровно в одиннадцать часов раздался гул. При наличии многотысячной толпы, в присутствии крымского правительства, Реввоенсовета Черноморского флота и представителей центра на киле лесовоза взвился флаг.

мый член правительства, или депутат, или журналист, которому они могут поклониться, или задать какой-нибудь злободневный вопрос. Все время, пока длится правительственный и финансовый кризис, люди загромождают улицу к началу заседания. Но вот трибуны и хоры заполнены, все знакомые прошли, а люди все еще стоят, и не уходят, и чего-то ждут. Понимают ли они все, что их выведет из туника не парламентская болтовня.

Директор Севморзавода рабочий-кузнец т. Антонов опустил первый пласт железа—основу днища будущего лесовоза—и серебряную пластинку с датой закладки.

14-го ноября, когда восстанавливающийся экономически советский Крым приступает к стройке.

ского королевского дома; в начале революции ей удалось бежать из Крыма в Копенгаген, где она сперва пыталась развить некоторую политическую деятельность, надеясь вернуть себе что-нибудь из своих невозвратно потерянных благ и преимуществ. Бывшую царицу всюду сопровождает лейб-казак царских времен, последовавший за ней при ее бегстве из России. На нашем снимке—Мария Федоровна.

Приезд министра земледелия Турции. На днях в Москву прибыл министр земледелия Турции г. Сабри-бей и сопровождающий его директор департамента г. Немед-Тайяр.

На вокзале г. министр был встречен турецким пос-

изобретение, и теперь ему приходится работать в качестве кустари-механика, в своей маленькой мастерской в Нью-Йорке, в то время, как другие, воспользовавшись его открытием, зарабатывают на нем миллионы.

Первые клепки, вбитые при закладке в лесовоз «Михаил Фрунзе».

Первые одиннадцать заклепок были вбиты представителями партии, рабочих, крестьян, армии и флота. Рабочие в своих выступлениях проводили параллель

Киль и общий вид лесовоза «Михаил Фрунзе» в моменту закладки.

между 14 ноября 1920 г., когда отступающая из Севастополя врангельская свора хищнической рукой нанесла тяжелый удар Черноморскому военному и торговому флоту, и теперешним 14 но-

Б. РЕЙЗИН
РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 90
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК»
МОСКОВСКИЙ РАЙОН

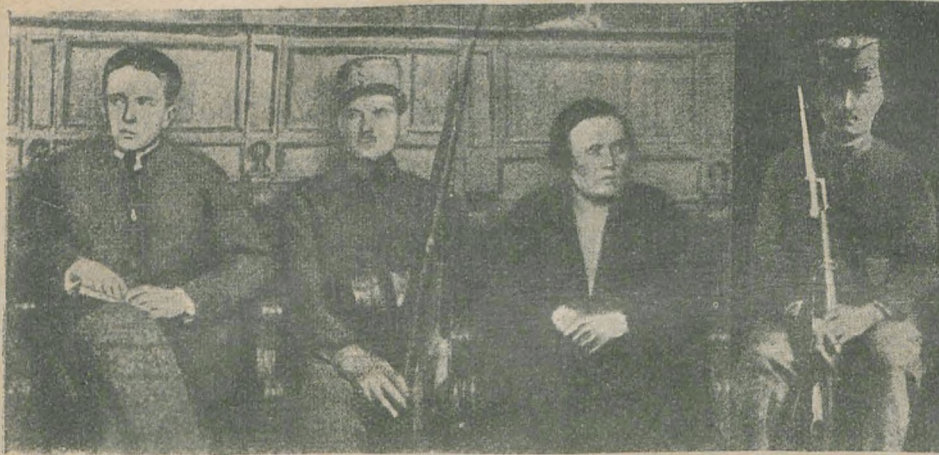
И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ
БЫЛИЦЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 91
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК»
МОСКОВСКИЙ РАЙОН

Очередные книжки библиотек «Огонек»—рассылаются с настоящим №-ром.

ВЕНГЕРСКИЕ КОММУНИСТЫ ПЕРЕД СУДОМ

Белый террор Хорти, свирепствующий в Венгрии, привел на скамью подсудимых венгерских революционеров во главе с т. Ракоши. Процесс этот привлекал в течение многих недель внимание всего мира. Как известно, т.т. Ракоши, Вейнбергер и др. были преданы чрезвычайному суду, и им грозила смертная казнь. Еще до суда им пришлось пережить ужасы тюремного режима, и особенно при полицейских допросах, переносить истязания и пытки; в этом отношении не была пощаждена даже женщина, т. Гамен. Наконец, благодаря неутомимой энергии их защитников, дело было изъято из ведения чрезвычайного суда и передано обыкновенному суду. Во время всех своих выступлений венгерские коммунисты держались с исключительным мужеством. Тов. Вейнбергер выразил общую мысль всех подсудимых, заявив в своем заключительном слове: «Пусть мы все погибнем до последнего человека, лишь бы наши идеи воплотились в жизнь». На снимках слева-направо—т.т. Вейнбергер, Гамен и Ракоши под конвоем.

Спуск второй пары лесовозов

В Ленинграде на Балтийской судостроительной верфи готова к спуску вторая пара лесовозов «Томский» и «Рудзутан». После спуска будет заложена следующая серия лесовозов. На снимке—спущенный лесовоз «Михаил Томский».

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

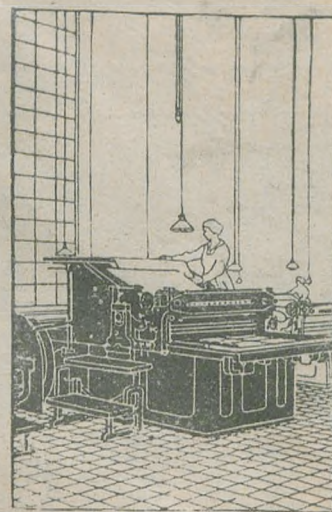
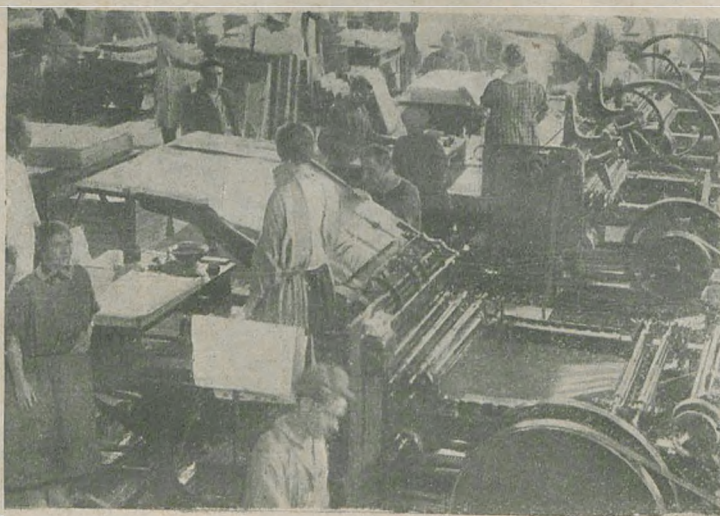
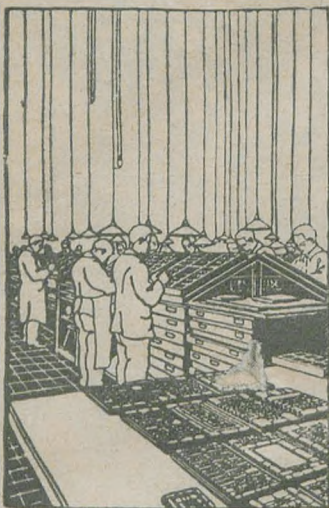
В виду понижения подписной цены на „ОГОНЕК“ до 40 к. в месяц, наблюдается широкий приток подписчиков.

Вследствие этого, Главная Контора Издательства „ОГОНЕК“ просит подписчиков заблаговременно возобновить подписку на 1926 год во избежание возможного опоздания с высылкой „ОГОНЬКА“ из за перегруженности экспедиции.

Издательство „Огонек“ Мосполиграфа.

Редактор Мих. Кольцов.

„ИЗДАТЕЛЬСТВО ОГОНЕК“—Москва, Тверской бульв., 26. РЕДАКЦИЯ—телеф. 2-96-12. РЕДАКТОР—телеф. 3-91-48; ГЛАВНАЯ КОНТОРА—телеф. 3-12-56; Управляющий Гл. Конторой—3-42-45; Отдел распространения—телеф. 5-51-69; ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ—телеф. 4-28-45; ЭКСПЕДИЦИЯ—телеф. 5-51-69. Телеграфн. адрес—„М.о. кн. ОГОНЕК“. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 страница—960 р., 1/2 стр.—480 р., 1/4 стр.—240 р., 1/8 стр.—120 р., 1/16 стр.—60 р., трока непарелл.—1 р. 80 к. Сверх тарифа—15% налога. С ДЕНАБРЯ ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
На „Огонек“ без Библиотеки „Огонек“ . . . . . 1 мес. —р. 40 к., 3 мес. 1 р. 20 к., 6 мес. 2 р. 40 к., 9 мес. 3 р. 60 к., год 4 р. 50 к.,
с одной книжкой „Библ.“ (4—5 кн. в м-ц) . . . 1 » —р. 90 к., 3 » 2 р. 70 к., 6 » 4 р. 50 к., 9 » 7 р. — к., » 9 р. — к.,
с двумя книжк. „Библ.“ (8—10 кн. в м-ц) . . . 1 » 1 р. 40 к., 3 » 4 р. 20 к., 6 » 6 р. 50 к., 9 » 10 р. 50 к., » 13 р. — к.
Комплект „Библиотеки“, по 10 книжек, высылается за 1 р. 25 к. Отдельные книжки высылаются за 15 коп.
За границу: на 1 ме. —25 центов, 1 экз.—8 центов или в переводе на соответ. местную валюту: с одной книжкой (Библиотеки „Огонек“—вдвое с двумя книжками—втрое. В Германии—на 1 м.—1 марка, один экз.—40 пф. Подписка на „Огонек“ принимается всеми почт.-тел. учреждениями.

Печатное отделение одной из типографий Азполиграфтреста.

ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ПРОМЫШ- ЛЕННОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА

Страна Союзов переживает сейчас сложный процесс перехода от «русской» культуры к культуре советской. Были в России Москва и Петербург—города с европейской наукой, с типографиями, музеями. Страна кругом рассматривалась, как двор. Русская культура—это и была культура России.

Советская Федерация вызвала к жизни сотни новых центров. Мы имеем уже сейчас мощную по своим возможностям тюркскую культуру. Возрождается украинская литература. Грузия и Армения уже имеют собственные университеты.

И оказалось, что именно такое положение дела есть то, что нужно для мировой науки. Призванный к жизни чувашский народ уже дает нам своих исследователей и, по словам академика Марра, строй чувашского языка поможет понять то, что не могло быть объяснено европейскими филологами, запершимися в узких пределах своих «цивилизованных» языков.

Полиграфическая промышленность Азербайджана до революции была совершенно ничтожной.

Но революция говорит со всеми, и со всеми говорит на их языке.

Типографские машины—пионеры национальных культур. Полиграфическая промышленность Азербайджана в мае 1924 г. переведена на положение треста. Азполиграфтрест объединяет 2 типографии, 1 фото-циклографию и литографию.

1-я типография, обслуживающая исключительно тюркскую печать, имеет 53 разных машины (18 печатных, 1 самонаклад, 26 переплетных и др.)

2-я типография имеет всего 78 машин: 25 печатных, 35 переплетных, 5 линовальных и др.

Литография оборудована 39 машинами.

Азполиграфтрест совершенно не знает кризиса сбыта, так как при бьющемся темпе культурного и национального подъема Азербайджана—все его предприятия буквально завалены заказами.

Бесспорным достижением производственной работы Азполиграфтреста нужно считать снижение себестоимости; в 24/25 г. стоимость некоторых работ по сравнению с 23/24 г. уменьшилась почти вдвое.

Валовая выработка Азполиграфтреста в 24/25 г. превысила один миллион рублей против 850 тысяч р. 23/24 года. Средняя месячная зарплата при 444 рабочих равна 80 руб. (2-ое полугодие 25 г.) против 58 руб. (1-ое полугодие 23/24 г.).

Основным сырьем являются бумага и картон, доставляемые из Союза ССР.

В виду того, что в течение операционного года замечались перебои в снабжении треста бумагой, перед

ВСНХ АССР встал вопрос об организации собственной Азербайджанской бумажной фабрики.

Возникает вопрос о переходе на новое сырье. Близость сырьевых районов—персидский кенаф—повидимому даст возможность разрешить этот вопрос в положительном смысле. В дальнейшем же можно говорить о разведении кенафа на месте.

Полиграфическая промышленность Азербайджанской ССР является самодовлеющей отраслью промышленности; будущее сулит ей, в связи с ростом культурно-политического и национального самосознания населения Азербайджана, дальнейшие успехи и рост.

Борис Дубровский.

Г. Баку.

Дирекция и сотрудники треста «Азполиграф». В нижнем ряду в центре — директор треста тов. Улановский.

БИБЛИОТЕКА БУХГАЛТЕРА И СЧЕТОВОДА в 12 книгах

СОДЕРЖАНИЕ БИБЛИОТЕКИ:

общее счетоводство, промышленное счетоводство, введение в коммерческие вычисления, коммерческие вычисления, торговое счетоводство, счетоводство акц. о-в и паевых т-в, банковское счетоводство, кредитных т-в, счетоводство потребительных о-в, сельскохозяйств. балансовое, картонная система в сч-стве

В БИБЛИОТЕКЕ УЧАСТВУЮТ:

проф. А. М. Галаган, проф. Пауль Герстнер, Ф. Б. Исландский, проф. Н. А. Кипарисов, проф. Н. С. Лунский, Д. А. Троицкий, проф. А. Г. Филимонов и др.

Цена всех 12 книг с перес. по подписке 15 р. В 6 книг в переплет.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ 8 КНИГ

Можно при подписке прислать пять рублей, после чего будут высланы первые 3 книги, а затем раз в месяц будут высылаться две книги вместо двух, платежом на 2 руб. 50 коп. до полной уплаты всей подписочной суммы

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ

Издательству
„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
Москва Стратной бульвар 10

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 г.

ХИИ год издания

„ЖУРНАЛ для ЖЕНЩИН“

на ежемесячный, необходимый для каждой семьи

Подписчики в 1926 году получат: 12 №№ ежемесячного журнала, 12 вырез. выкроек в натур. кел., 12 печат. выкроек, 12 рукод. лисов

С приложениями: Без приложений:
на 12 мес. 10 р. — и. на 12 мес. 8 р. — и.
" 6 " 5 " 50 " " 6 " 4 " 50 "
" 3 " 3 " — " " 3 " 2 " 50 "

Годовым: Без приложений:
при подписке 4 р. — и. при подписке 3 р. — и.
и 1-му апреля 3 " — " и 1-му апреля 2 " 50 "
и 1-му июля 3 " — " и 1-му июля 2 " 50 "

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Редакция: Б. Бронная 15/8, теле-
фон 1-84-03. Магазины: Кузнецкий Мост 11,
тел. 2-78-39; Ленинград: Пр. 25 Октября 78, тел. 5-58-28

Вы можете изучить

легко и быстро у себя дома, как в городе, так и в деревне — везде, где имеется почта — бухгалтерию — коммерческие вычисления — торговую корреспонденцию — делопроизводство — стенографию — и другие специальные прикладные коммерческие науки — а также техническо-художественное черчение на звание ученого чертежника — Наш метод гарантирует успех — Наши заочные курсы «ПОЛИГЛОТ» особенно ценны лицам, живущим вдали от крупных центров и не имеющим возможности посещать специальные курсы — Благодаря нашей ЗАОЧНОЙ системе, школа приходит к Вам на дом — Занятия производятся посредством переписки по почте

Подобранные конспекты, программы и условия высылаются за 10-коп. марку.

Письма адресуйте: Заочно-практической Школе курсов „ПОЛИГЛОТ“ — РОСТОВ-НА-ДОНУ Николаевский пер. 44

АДМИНИСТРАТОРУ, ХОЗЯЙСТВЕННИКУ, КРАСНОМУ ДИРЕКТОРУ, КООПЕРАТОРУ ВСЕМ

ДАЕТ МНОГО ПОЛЕЗНЫХ СВЕДЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА КОММЕРЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

12 состоящая из 12 капитальных трудов иностранных русских авторов

Учение о торговле — проф. И. Шера
Организация торгового предприятия — проф. О. А. Ермаченко
Бухгалтерия и баланс — проф. И. Шера

Анализ баланса — проф. Н. Герстнера
Организация фабричного предприятия — проф. А. Кальмеса
Фабричная бухгалтерия — его же
Фабричная статистика — его же
Первые калькуляции — Д. Никольсона и Д. Рорбаха
Рациональная организация контро-
ры — И. Герцфельда
Коммерческие письма и деловые бумаги

Наименование 11-го и 12-го томов будут объявлены позже.

Вышли из печати тома, остальные выйдут в течение зимы

Цена на все 12 томов в переплет — 10 руб.

Можно при подписке прислать 5 руб., после чего будет выслан 1-й том, а затем ежемесячно будет высылаться по одному тому наложенным плат на 5 р. до полной уплаты всей подписной суммы

Подписавшимся ранее на отдельные книги из этой библиотеки засчитываются внесенные деньги

Подписку и деньги адресовать:

Издательству
„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
Москва Стратной бульвар 10

ПЕРЕМОТКА МОТОРОВ

Мас. ерек и А. В. ИВАНОВА. Механик, Пон. Слободская 5 кв. 15

В вед. МОНО КРАПТОКНИСКИЕ КУРСЫ

корректуры, стенографии, машинописи, иностранн. язык. и каллигр. (исп. почерка)
Тверская 15 — Сивцев-Вражек № 6.
Тел. 3-61-97. Занятия утр., дн. и веч

Д-р Я. Л. КОЦУБЕЙ

Пятницк. Черныговский п. д. 6 кв. 27
Тел. 1-58-02.
ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ

ВЕНЕРОЛОГИЧ. КАБИНЕТ

Доктора РАБИНОВИЧ
Прием от 1—7 час. Сифилис, мочепол. болезни и венерические.
Новейшие методы лечения.
Петро-Павловская 30. Вилки Труда

переманного и послужило тона, ис-
агентические работы исполнито

КУРСЫ, учрежд. А. А. МАШИНЫМ
Бухгалтерия, стенография, машино-
писи, иностранн. яв. 1) Москворецкая
ул., 24 и 2) Никитский бульвар, 13.

КУРСЫ КРОЙКИ И ШИТЬЯ

ШЛЯП ВЫШИВОК
Москва Арбатск. площадь. Б. Молча-
новка д. № 1. Прием от 2 ч. до 6 ч. в.
Зав. курсами Г. Г. Чумичев.

ДОК. ЛУРЬЕ АДОЛЬФ ГРИГОРЬЕВИЧ

Сифилис и венер., мочепол.
Пр. от 4—6 ч., Сретенка Б. Сергеев-
ский 41 кв. 4 Телефон 4-63-57

Д-р ВОЛОДАРСКИЙ

Покровка (Покровские ворота) 19,
кв. 21 тел. 2-32-45. Менингит, венер.,
сифилис, мочеполовые и нервные
Прием 9—1 и 4—9. Праздники 9—12.

СЕЛИВЕРСТОВСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА.

СРЕТЕНКА 24 (вход с Селиверстовского пер.) Тел. 4-68-22

Прием врачами-специалистами:

Горлов., ушн., носов. . . . . 9—8.
Венерич. и мочепол. . . . . 9—8.
Хирургические. . . . . 9—8.
Женские и акуш. . . . . 9—8.
Глазные (подбор очков). . . . . 9—8.
Желудочные. . . . . 8 1/2—10 и 12—2.
Болезни сердца. . . . . 12—1.
Нервн. и душевн. . . . . 9—8.
Исправление позвоночника, туберкулез
тв) от 7—8 ч. в.

Болезни мочевых путей (мочев. пузырь, лоханок и почеч) с 8 1/2—11; 4—8
АНАЛИЗЫ: крови, мочи, микроты и желудочно-кишечн.

ЗУБОВРАЧЕВ. ОД.: лечен., пломбир., удаление, искусств. зубы 8 1/2—3 ч.
Хирург. полости рта (бол. десен) 1—2 ч.

РЕНТГЕНОВСКИЙ КАБ.: снимки, просвечив., лечение болезней и боли
с 11—1 ч.

ЭЛЕКТРОЛЕЧЕБНЫЙ КАБ.: все виды электролечения, ванны (солян. и угде-
кисл.) горное солнце с 9—8 ч.

Вызов врачей на дом по всем специальностям
По воскр. и праздн. прием с 10 до 2 ч.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ

для ДРАМ ГРИМ

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ и ОТ АВТОРА:
МОСКВА, 55 п. о. Абонемент. ящ. 2226
ТРЕБУЙТЕ ПРОСМОТ

КРУЖКОВ и СТУДИЙ
197 черных и многокрасочных
иллюстраций. Ц. 2 р. 50 п.
Продажа во всех книжных
магазинах.

МАРКИ, БОНЫ, ОТ-
КРЫТКИ, МОНЕТЫ для
коллекций. Прейскур. бес-
платно. Адресная книжка
коллекционеров-цена 50 к.
с перес. (мошно маркам)
Магази предм тов для коллекци-
рования. Вологда, С. Сетская 8

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВСЕМ

ВСЕМИРНО-ИЗВЕСТНАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ КОСМЕТИКА

Метаморфозы

КРЕМ-МЫЛО-ПУДРА

ПРОТИВ ВЕСНУШЕК и ДЛЯ БЕЛИЗНЫ и НЕЖНОСТИ КОЖИ

Продажа в аптеках, магаз. санитарии и гигиены и кооперативах

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА В РАЧ В

Мясницкие ворота, 28, трамвай: А, В, 4, 34, 1, 21, 22, 6. Телефон 1-89-93

(один восемьдесят девять девяносто три).

Внутренние. . . . . 8 ч. утра до 9 ч. веч.

Детские. . . . . 8 " " 7 " "

Нервные и душевные. . . . . 9 ч. " 9 " "

Венерич. и сиф. . . . . 8 ч. ут. до 2 ч. в.

Мочепол. отдел. . . . . 8 " " 9 " "

Кожные. . . . . 8 " " 9 " "

Женск. и акушер. . . . . 8 " " 9 " "

Лечение гипнозом. . . . . 3—6 ч.

Чистосопная, кат. из. мочеточн., функцион. испыт. поч. и плазмографал. — 8 ч.

Зубоврачебный отд.: лечение, пломбирование, удаление зубов, искусственные

зубы и все виды технических работ с ут. до 7 ч. в. Хирургия полости рта.

Рентгеновский и электролечен. кабин.: снимки, просвечивания, лечен. бо-

лезней кожи (стриг. лишай), опухлей женской половой сферы и др. с 11 утра

до 8 ч. вечера. лечение электрич. светом и пр. с 12—4 ч.

АНАЛИЗЫ: крови (реакция Вассермана, Закс Георгий и проч.), мочи,

мокроты, кала, желудочного сока и др.

П Р И Е М

и КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ по всем болезням с 8—4 ч.

По воскр. и праздн. дням прием больных по всем болезням с 8—4 ч.

Вызов врачей на дом по всем специальностям

1 А Р И Ф 1 страница—960 р., 1/2 страницы—480 р., 1/4 страницы—240 р., 1/8 страницы—120 р., 1/16 стран.—60 р. Строка
сб'явлений вонпарели—1 р. 80 к. Сверх тарифа, согласно постановления СНК от 11/IV и 6/VI 1924—15% налога
Е. ОГОНЬНЕ. Постоянным публикаторам—сидрия по соглашению. Счета подлежат оплате в семидневный срок по печатаным объявлениям.

СЕВЗАПКИНО

Ленинград — Москва

ВЫПУСКАЕТ КАРТИНЫ:

С 8 декабря

„МИНАРЕТ СМЕРТИ“

— Кино „Арс“ —

С 22 декабря

„На верном следу“

— Кино „Цирк“ —

С 15 декабря

„НАПОЛЕОН-ГАЗ“

Героический кино-роман в 7 частях
Места действий:

ЧИКАГО-БЕРЛИН-ИПР-ЛЕНИНГРАД

— Кино „Колосс“ —

— Кино „Уран“ —

— Кино „Карнавал“ —

— Кино „Цирк“ —

К 20-летию 1905 года
выпускается грандиозный
исторический фильм:

9 ЯНВАРЯ (К Р О В А В О Е
ВОСКРЕСЕНЬЕ)

СЕВЗАПКИНО

ТРЕБУИТЕ ВЕЗДЕ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
ИЗ ЛУЧШЕГО
ЗАГРАНИЧНОГО
СЫРЬЯ
ПЕРЕВОДНАЯ
ИНДИГОВАЯ
БУМАГА

ELIAMS

ЛЕНТЫ
ДЛЯ ПИШУЩИХ
МАШИН

ELIAMS

КОНЦЕССИОННАЯ
ФАБРИКА Э.ШУЛЬМАН

КРЕМ МЕТАМОРФОЗ
ЛУЧШЕЕ
ИСПЫТАННОЕ
СРЕДСТВО
ПРОТИВ

КАЗИМИ
ВЕСНУШКИ,
КРАСНОТЫ,
ЖЕЛТЫХ ПЯТЕЛ,
ЗАГАРА,
УГРЕЙ И ДР.
НЕДОСТАТКОВ
КОЖИ ЛИЦА.

Для удобства населения Москвы

ВНИМАНИЕ! **ОТКРЫТ** **ВНИМАНИЕ!**

Обойный Магазин
№ 5
по Тулинск. ул., 12
Телефон 5-08-80

МОСПОЛИГРАФ

полный
АССОРТИМЕНТ
ДЕШЕВЫЕ ЦЕНЫ
Качество вне
конкуренции

ОТКРЫТ
МАГАЗИН
обоев и канцпринадлежностей
по АРБАТУ 29. Богатый выбор

Розничные магазины в Москве:

Обойные:	Канцел. принад- лежностей:
№ 1—Кузнецк. М. 20	1. Ильинка 4
№ 2—Казушская пл.	2. Кузнецкий М. 20
№ 3—В. Красносель- ская, № 2	Оптовый склад:
№ 4—Тверская ул., 68	3. Рождественск. б бульв. 14
№ 6—Арбат 1	
№ 7—Никольская 3	

Крем „АНГО“
ВЕРНОЕ СРЕДСТВО
против веснушек и загара
Зубная паста „АНГО“
приятно освежает полость рта
во всех парфюмерных

Пудра „АНГО“
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
тошка и нежна
Желе-глище, или „АНГО“
освежает кожу лица и рук
УИТЕ
и косметических магазинах

АНГО

ТРЕБУИТЕ ВЕЗДЕ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
ИЗ ЛУЧШЕГО
ЗАГРАНИЧНОГО
СЫРЬЯ
ПЕРЕВОДНАЯ
ИНДИГОВАЯ
БУМАГА

ELIAMS

ЛЕНТЫ
ДЛЯ ПИШУЩИХ
МАШИН

ELIAMS

КОНЦЕССИОННАЯ
ФАБРИКА Э.ШУЛЬМАН